



ТАТЬЯНА ОСИПОВА

БЕГ
СКВОЗЬ ЛАБИРИНТ

18+

Татьяна Осипова
Бег сквозь лабиринт

«Автор»

2026

Осипова Т.

Бег сквозь лабиринт / Т. Осипова — «Автор», 2026

Тяжелое детство, лихие девяностые, предательство тех, кто должен был защищать... Жизнь Натальи с самого начала складывается как лабиринт, из которого нет выхода. Спаситель оказывается монстром, а прошлое таит ответы, способные разрушить всё. Чтобы выжить, ей приходится бежать — через боль, страх и невозможность доверять. Но правда о собственной судьбе находится не в этом мире. Мрачный триллер с элементами мистики и напряженной психологической драмой, где реальность переплетается с иным, неведомым. Это история о силе духа, цене выбора и пути, который невозможно пройти дважды.

© Осипова Т., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Осипова

Бег сквозь лабиринт

Все события в романе вымышлены и совпадения с реальными людьми простая случайность и совпадение.

Когда туман опустится на город, он поглотит собою всё,

И ты не видишь никого, ты тонешь в вязкой тине снов, и ты не хочешь ничего.

Есть только жизнь, боль, смерть, любовь.

Закрой глаза, открой их вновь.

Беги по лабиринту тьмы, тебе не скрыться от судьбы.

Как заклинанье над тобою, события жизни чередой,

Проходят с болью сквозь тебя,

Ни жить, ни умереть любя...

И всё пройдёт, когда войдёт рассвет,

Закрой глаза, открой, тумана нет,

И был то не туман, а жизнь лишь в нём.

Сквозь призму времени ты смотришь этот сон,

И говоришь: « Всё это сон, а я не я».

Всё кончено... закрой... открой глаза...

Забудь и посмотри, что солнце светит,

И те, кто знал, молчат, они уж не ответят.

ПРОЛОГ

1993

Крупные капли дождя медленно скатились по зеркальному стеклу. В воздухе повис аромат дорогого мужского одеколona, смешавшегося с запахом пота, и сигаретного дыма, который плавно поднимался к потолку.

Натали посмотрела в темноту ночи, словно пытаясь отыскать в свете одинокого фонаря ответы на свои вопросы. Они мучили её с того времени, когда всё началось. Каштановые

волосы, похожие цветом на горький шоколад – длинные, доходящие до пояса. Натали отбросила их со лба пытаясь играть новую роль, пытаясь стать другой, той, что видел в ней новый гость.

– Gehe zu mir, mein kleiner Taugenichts, – похотливо улыбнулся Ганс, похлопав жирной ладонью по смятой постели, – Dich wird es schwer sein, zu vergessen, Frau Natali, aber bis zu dem Morgen ist die Zeit noch.

Повернувшись к нему, девушка постаралась отбросить от себя тяжёлые мысли и, улыбувшись, потянула пояс шёлкового халатика, который, соскользнув, упал, открывая взору Ганса, все прелести Натали.

Она смиренно опустила на кровать к немцу, а он жадно впился в покорные губы той, что отдавала свет любви.

1

– Ну, что новенького? – Зингер не скрывал радости, он всегда испытывал чувство удовлетворённости, когда понимал, что его план снова сработал, – завтра к тебе придет одна замарашка, так ты научи её уму разуму.

– Хорошо, – Натали, сделала глоток из бокала и в упор посмотрела на нынешнего хозяина, к которому она всё-таки попала в руки, – а этой, как ты говоришь, замарашке, что делать здесь? Ты же не любишь людей?

– Что ты, – отмахнулся Зингер, – дело совсем не в этом.

– Что, она сама добровольно согласилась на твои условия?! – удивлённо приподняла брови Натали.

– У неё, как и у тебя не оставалось выбора, впрочем, вы все здесь не случайно, – он облизал тонкие губы и, доставая из пиджака портсигар, демонстративно раскрыл его, вынимая дорогую сигару.

– Ну, ты и сволочь, Ян, – процедила сквозь зубы Натали, чувствуя, как её начинает бить нервная дрожь. Он плотоядно улыбувшись покрутил головой. Длинные светлые волосы разметались по плечам, а в голубых глазах вспыхнуло пламя.

– Я не дам тебе по твоей хорошенькой морде, сука, – улыбнулся Зингер, – и знаешь почему? – он, ухмыльнувшись, склонил голову набок. – Чтобы ты продолжала приносить мне доход. Ты забыла о нашем договоре, но я прощаю тебя. Если будешь... Не надо делать такое лицо... Так вот, будешь гнуть из себя принцессу, я могу и разозлиться, а ты знаешь, чем это может закончиться.

Она сжала губы, чтобы не расплакаться, понимая, Зингер всегда найдёт повод, чтобы дать ей почувствовать себя одинокой и незащищённой в этом странном, чужом и беспощадном мире под названием «Тёмное отражение». Натали держалась до последнего, не хотела своими слезами доставить удовольствие Яну. Когда же он закрыл за собой дверь, то отчаяние хлынуло из глаз.

Она опять вспомнила время, когда жила в Красноярске. Мир был обычным, и в нём не было всего, о чём она узнала спустя некоторое время, когда считала хождения сквозь зеркала просто ночными видениями. Была ли она счастлива тогда? Всегда её жизнь находилась в чьих-то руках и ни дня не было, чтобы она не чувствовала себя несчастной, забытой богом.

Семья в последние годы юности стала похожей на треснувший циферблат часов. Сколько она себя помнила – отец пил, а когда умер, мать пустилась, как говорят, во все тяжкие. Привела домой мужчину младше себя лет на пятнадцать и представила дочери нового папу – Валерия.

Тогда девушку звали Наташа, и она не знала, что в жизни с появлением Валерки, всё перевернётся. Уже тогда, ничего хорошего от тандема матери и её нового увлечения она не ожидала. Ей был противен сальный взгляд, которым Валерка окинул её стройные ноги, отпустил по поводу неё какую-то пошлую шутку и хрипло рассмеялся.

Наташа знала, спорить с матерью бесполезно, понимая, что теперь к весельям и пьяным застольям прибавится ещё одна проблема, от которой нужно держаться подальше.

2

1992

Наташа училась в училище Культуры на последнем курсе и пока ещё надеялась, что через год уедет в Артёмовск к тётке Лене. Хорошая светлая женщина сестра матери, не похожая на свою кровинку. Рядом с тёткой Леной у девушки будет спокойная жизнь, надеялась Наташа. Родных больше не было, бабушка и дедушка умерли несколько лет назад, осталась одна тётка, которая видя ужасную обстановку в семье давно хотела забрать девушку к себе, но в то время та не хотела уезжать от родителей.

Прошло три года, но мама так и не изменилась. Наташа в свои четырнадцать, боялась бросать её, и надеялась, что мама всё-таки будет лечиться и бросит пить. И действительно, на какое-то время Вероника Анатольевна попыталась стать нормальным человеком и мамой. Она устроилась работать продавцом в киоск и продержалась почти месяц.

Получив зарплату, она и её старые друзья решили отметить такое важное событие, и тогда Наташа впервые в своей жизни украла. Она помнила, как, расстегнув мамину сумку, вынула из неё кошелек и, выглядывая из прихожей, убедилась, что все заняты очередным поднятием бокалов, вытасила добрую часть денег, чтобы припрятать на покупку продуктов.

Наутро мать отправилась на работу, Наташа провожая укоризненным взглядом, не зная жалеть или ненавидеть мать.

– Посмотри на себя, мешки под глазами, землистый цвет лица и перегар, от которого мухи падают замертво на лету.

Наташа ненавидела её, когда она была такой, но потом жалела и всё прощала. Как она и ожидала, мать не заметила пропажу денег и сокрушалась:

– Нет, ты подумай, как всё сейчас дорого, доченька...

– Лучше бы считала на что тратить,– процедила сквозь зубы Наташа и зло посмотрела на Веронику Анатольевну. – Мама, у тебя же высшее образование, ты же учительницей была, а теперь,– она заплакала,– куда ты катишься, ведь придёт день, когда ты останешься совсем одна, а я уеду к тёте Лене и не вернусь никогда больше сюда, слышишь?! – не выдержав, закричала Наташа.

– Я всё понимаю, но куда я вчера столько денег потратила,– тупо уставившись в стену, продолжала Вероника Анатольевна,– ничего не понимаю...

– Пить меньше надо,– бросила ей дочь и, открывая холодильник, посмотрела, что ей нужно купить. Теперь, решила она, я так и буду делать, а то на эту выпивку все деньги угробит. – Я пошла,– бросила Наташа матери и направилась в прихожую,– ты на работу идёшь?

– Да,– безучастно кивнула Вероника Анатольевна,– а ты в училище?

– Мама, сегодня же воскресенье,– раздражённо ответила Наташа и, открывая дверь, добавила,– не знаю, когда буду.

Наташа понимала, что мама никогда не вылезет, что всё останется по-прежнему, а ей придётся последний год терпеть всё это. Несмотря на трудности, девушка хорошо училась и у неё была всего одна четвёрка по алгебре, к тому же она записалась на курсы немецкого, так как, в мае лучшие студенты должны были поехать в Ганновер по обмену опытом со студентами немецкого колледжа.

Наташа понимала, что для неё это шанс. И придётся где-то достать деньги, потому что не всё так просто в этом жестоком мире. Она знала, что претендентов на поездку много и отличных оценок для этого мало. По выходным она посещала курсы немецкого, а вечерами шила на заказ, чем стала неплохо зарабатывать и даже откладывала полученные деньги на поездку.

3

1980 – 1986 г. г

Когда была ещё жива бабушка, она многому научила Наташу, в том числе кройке и шитью, девушка вспомнила то время, и к горлу подкатил комок.

Как всё было здорово в то время. Мама работала учительницей литературы и русского языка, папа – Алексей Иванович Зверев на машиностроительном заводе, дедушка Иван Карпович – ветеран войны, много лет отдал труду на Транссибирской магистрали машинистом. Бабушка – Евдокия Васильевна трудилась на хлебозаводе. Родители Вероники Анатольевны, жили в Туруханске, и Наташа к ним ездила на летние каникулы.

Девушка улыбнулась, вспоминая добрую и ласковую бабушку Машу и дедушку Толю, которые были уже очень старенькие, и когда Наташе исполнилось семь лет, умер дедушка, а потом через год и бабуля. Наташа тяжело переживала утрату и в свои восемь лет страдала и плакала, вместе с мамой. Мама тогда была хорошей доброй женщиной, а потом, как гром среди ясного неба, арест отца.

Это было случайное убийство. Трагедия произошла на заводе в обеденный перерыв, когда Алексей Зверев повздорил со старшим механиком. Толкнул его и стал невольным убийцей сослуживца, тот, падая с лестницы, разбился насмерть. Отца осудили, и дали пять лет, как за не предусмотренное убийство по неосторожности. Алексей Иванович очень переживал и уже в тюрьме пережил два инфаркта. Его здоровье стало совсем плохим, да и кому тюремная баланда шла на пользу.

В 1982 году умерла бабушка Евдокия, тогда и началась «сладкая жизнь». Дедушка Ваня начал пить, причём уходил в запой на месяц. Вскоре их уютный дом превратился в обшарпанную халупу. Мама как могла, боролась с пьянством свёкра, тот стал приводить в дом дружков, но все её потуги оказались напрасной тратой времени. Однажды, когда дед увидел, что Вероника выливает содержимое бутылки в раковину, он жестоко избил её, и с тех пор мама перестала с ним связываться.

Она всегда была красивой женщиной и пользовалась успехом у мужчин. Наташа тогда ещё не понимала, где по ночам пропадала мама, а Вероника Анатольевна, решила устроить личную жизнь. Об отце она вообще старалась не вспоминать, пьянство свёкра и проблемы дома заставили женщину редко бывать там, её все больше и больше затягивала свободная жизнь и незаметно для себя Вероника очень изменилась, а вскоре запила и сама.

В феврале восемьдесят шестого, освободился отец и, вернувшись, домой, где оставил красавицу жену и лапочку дочь, не узнал своего жилища. Всё словно перевернулось с ног на голову, он не мог ничего понять – всего за несколько лет, жизнь его семьи рухнула, оставив после себя развалины былого счастья.

Наташа надеялась, что с возвращением отца многое изменится, но тюрьма изменила его, сломала. Ко всему прочему добавилась тяжёлая болезнь. Видя пьянство отца и жены, Алексей допоздна засиживался на кухне, распивая бутылку. Пил он в одиночку, тихо, а потом уходил спать. Если вдруг его заставала Вероника Анатольевна, то начинала упрекать и скандалить. Отец молчал и старался не спорить, а потом уходил в комнату, чтобы забыться и не думать о том, что происходящее изо дня в день сливается в сплошную чёрную полосу.

Наташу просто не замечали, может поэтому, она сразу и не захотела уезжать к тёте Лене в Артёмовск. Она не понимала себя, иногда ей хотелось бежать из этого проклятого дома, но ей было жаль папу, который опускался, как и мать.

Семнадцатого июля 1986 года отца не стало. У него случился сердечный приступ. В больницу на скорой помощи его увезли шестнадцатого июля, однако, ничем помочь не смогли.

Наташа на тот момент находилась в пионерском лагере, и ей ничего не сообщили о смерти папы. Автобус привёз её и других ребят в из лагеря Красноярск, она, как и многие весёлая и загорелая бежала домой вприпрыжку. Зелёная листва высокого тополя полностью загородила окно на втором этаже. Наташа быстро залетела в подъезд, что-то напевая, и понеслась по ступенькам, чуть не столкнувшись с соседкой Анькой Коростылевой.

– Ты чё дура, Зверева, – грубо окликнула она девочку, – ну и что, что пил, так он же отец! Девять дней не прошло, а она скачет, как коза, весело ей!

– Я не поняла тебя? – голос Наташи дрогнул, ноги стали ватными и слабыми,– Аня, повтори, что ты сказала?– спросила она севшим голосом.

– Ты чё, с Луны свалилась?– Коростылёва не сразу поняла, что Наташа не в курсе семейного несчастья.

– Я... только что из ... лагеря,– Наташа всхлипнула, и её худенькие плечи затряслись. Она не могла, не хотела сдерживаться, и рыдания вырвались наружу, словно копились все годы её недолгого детства.

– Прости,– вдруг опешила Аня,– я ж не знала, что ты в лагере, а тебе, что не сообщили? Вижу, что нет,– она обняла девочку и погладила её по голове, приговаривая, что всё будет хорошо.

Наташа не могла вымолвить и слова, смотрела на Коростылёву, и шевелила дрожащими губами. Аня сказала, чтобы она шла домой, а не ревела на весь подъезд и довела её до квартиры.

– Всё, не реви, успокойся...

– Мои пьют?– жалобно спросила Наташа, на что Аня, отвела глаза в сторону и пробормотала:

– Пьют, они и поминонок-то, как полагается, не делали, всё пропили, приезжал товарищ из райкома, отец ведь был ветераном труда, денег на похороны дал, не знал, что семейка ваша... прости,– замолчала Аня, видя, как вспыхнули глаза Наташи,– что тут скрывать об этом весь двор говорит. Ты одна нормальная в семье...

– А что ещё говорят?– со злой ноткой в голосе спросила Наташа, обижаясь, – нет, ты не стесняйся, просто мне интересно?!

– Да ты не думай, о тебе плохо никто не говорит...

– Смотри у меня,– Наташа повертела перед носом Коростылевой кулаком,– я не посмотрю, что тебе шестнадцать.

– Дура ты Зверева, одно хорошо, что не алкашка...

– Что ты сказала?!– Наташа поразилась её бесцеремонности.– Ты что говоришь, думай?!– она хотела хорошенько треснуть соседку, которая минуту назад успокаивала и жалела её, но передумала, – иди ты знаешь куда... тоже мне ...

Их перепалку прервал голос матери Наташи, которая, открывая дверь, с удивлением смотрела на дочь, словно и не ждала её.

– А ты что уже приехала?– спросила она.

– Нет, это мой призрак,– огрызнулась девочка и, поднявшись по лестнице, вошла в квартиру. Пройдя в прихожую, направилась на кухню. Вытащила из рюкзака бутылку с лимонадом и пакет с пирожками и, достала чашку из шкафа и налила себе напиток.

– Деда,— обратилась она к Ивану Карповичу, который как ни странно был ещё во вменяемом состоянии,— почему не сказали, что папа умер, и что вы тут всю семью позорите, знаете, что соседи говорят, что и поминонок не делали...

– Почему же не делали,— усмехнулась вошедшая на кухню мать,— просто не всем наливали, вот они и обиделись,— она грубо рассмеялась.

Наташа смотрела на неё и не узнавала в ней ту женщину, которая каждый день ходила в школу и учила детей, за это лето, она постарела лет на десять и стала похожа на тех тёток, которые торгуют на вокзале пирожками. Почему ей тогда пришло в голову именно такое сравнение, спрашивала она потом себя. Потом воспоминания казались малозначительными, как будто происходящее не касалось её.

– Мама, тебе же в школу третьего августа, что происходит здесь?– Наташа не могла поверить, что после смерти отца мама не образумится,— ты же не такая, мама, ты же интеллигентная женщина?

– Марш к себе в комнату!– прикрикнула Вероника Анатольевна,— как ты с матерью разговариваешь?

– А знаешь, кем вас называют?– не унималась Наташа,— семья алкашей, так мне и сказали!

– Вот люди,— покачал головой Иван Карпович,— у людей горе, сын умер...— он весь сжался и закрыл руками красное лицо,— Наташенька, зачем же так...

– Что вы, ей плачетесь, папа,— Вероника Анатольевна взяла сумку дочери, отнесла в её комнату и крикнула из глубины квартиры,— иди к себе, хватит языком чесать. Чё, взрослая стала?

Наташа стояла в растерянности и не знала, как себе вести, что делать дальше. В свои четырнадцать лет она впервые задумалась о том, что ей придётся в скором времени самой заботиться о себе.

За столом раскисал, как густой кисель Иван Карпович, в комнате кричала мама. Сердце девочки билось, как у загнанного в угол зверя, и она почувствовала, что во рту пересохло. Сгребая в охапку лимонад и пирожки, она направилась в свою комнату и, закрыв за собой дверь, открыла окно. Села на подоконник, откусила от пирожка, который был с капустой. Такие же пекла бабушка Евдокия Васильевна. От нахлынувших воспоминаний, Наташа закрыла глаза и заплакала.

– Наташка!!!– крикнула ей снизу Азиза, лучшая поруга, – ты чего там, плачешь что ли?

– Зизка!– Наташа быстро вытерла слёзы и помахала ей,— я только что из лагеря!

– Так выходи!

– Сейчас, погоди, только переоденусь!

Быстро нацепив на себя трикотажную майку и джинсовые шортики, она выскочила из дому. Подружки долго обнимались, Наташе всегда было легко с Азизой, она имела талант делать людей счастливыми. Вот и сейчас, встретившись с подругой, Наташа почувствовала небольшое облегчение из-за обиды на мать и бабушку, которые не сообщили о смерти отца.

– Ты знаешь,– серьёзно начала Наташа,– мои совсем уже ... пока я была в лагере, папа умер...

– Наташа!– Азиза прижала руку ко рту,– я и не знала, бедная моя.

– А они... они ничего не сказали мне, от соседки узнала, а ещё мать называется...

– Я понимаю,– кивнула Азиза,– ну, успокойся, не плачь... пошли ко мне, Нугманчик приехал, такой здоровенный стал, не узнаешь.

– Ну... я не знаю,– пожала плечами Наташа, но после недолгих уговоров подруги согласилась,– пошли. Поговорим, я знаю, мне станет легче, так всегда было.

– Ну, вот,– обняла её Азиза,– наконец-то, ты теперь это признала,– она поцеловала подругу в щёку,– идём, а вечером Нугман отвезёт тебя домой.

Они взялись за руки и направились в сторону дома, где жила семья Ахмедовых. Азиза любимица отца, ещё в конце восьмидесятых семья их была зажиточной. Отец Азизы, Ахмед Алиевич, работал директором базы мясокомбината, а мать директором Дома Быта в самом центре города. Потом через год, Наташа будет именно там начинать работать, Мадина Магомедовна оказалась не просто очень доброй и понимающей женщиной, она с радостью помогла Наташе, когда та пришла устраиваться на работу, учеником закройщика. Тогда девушка получила копейки, но многому научилась и была рада и тем крохам, что могла заработать в свои пятнадцать лет.

Когда они устроились на уютной лоджии дома Ахмедовых, Наташа ощущала себя такой счастливой.

– Вот были бы мы сёстрами, – мечтательно протянула Азиза, и словно читая мысли подруги, спросила:– Что с твоими родителями стало, ничего не могу понять, прости, наверное, не нужно говорить об этом,– она взяла подругу за руку.

– Тебе можно,– вздохнула Наташа. – А так, знаешь как обидно, когда родителей алкашами называют. А ведь самое противное, что все кругом правы.

– Тебя же тётя Лена звала в Артёмовск.

– А как же ты, Серёжка, у меня ведь там никого нет, и буду совсем одна там.– Наташа с такой тоской посмотрела на Азизу, что той стало не по себе. – Зизка, как я там буду без всех вас?

– Ничего, всё образуется, пойдёшь в техникум, ты уже решила какой?

– Не знаю,– пожала плечами Наташа. – Серёжа идёт на будущий год в политехнический, и я пойду, только ещё не выбрала на какой факультет.

– А сама, что думаешь?– настойчиво спросила Азиза.

– На художника оформителя, мне всегда нравилось рисовать.

– Но так это тебе нужно в училище культуры.

– Откуда ты знаешь?– недоверчиво покачала головой Наташа. – А там есть факультет, где учат моделировать и шить одежду, типа закройщика, но... как бы это сказать с фантазией?

– Так тебе туда и надо, «с фантазией»!

– Брось ты, Зизка,– отмахнулась Наташа,– я, что тебе будущий модельер?

–А почему бы и нет,– серьёзно ответил Азиза.– Пойдём, чай пить, Нугман привёз из Махачкалы столько всего вкусного: сладостей, орехов, фруктов, так что мы сейчас устроим пир.

Дверь на кухню тихо отворилась, и в дверном проёме появилось заспанное лицо Нугмана, на котором вспыхнула приветливая улыбка обращённая явно не к Азизе.

– Нугман, мы тебя разбудили?– виновато спросила Азиза старшего брата.

Он был высоким широкоплечим парнем с копной густых вьющихся волос и темными глазами.

– Ваш хохот мёртвого поднимет,– улыбнулся Нугман и ласково потрепал по волосам сестрёнку. – Да уже хватит спать, ты, я слышал, чай обещала,– лукаво улыбнулся он и, подмигнув Наташе, добавил,– так выросла, девушка прям взрослая. Скоро можно и замуж отдавать.

Наташа, смущаясь, отвела глаза и, повернувшись к Азизе, взяла из её рук чашки.

– Вы тоже изменились, уже... взрослый такой.

– А помнишь, курносая, как я вас на плечах таскал, и мы так дурачились во дворе, когда ещё учился в школе.

– Да, Нугман,– улыбнулась Наташа,– это было так давно, мы ещё все тогда были детьми, а теперь, я не знаю, как вас называть, перед глазами стоит тот худой длинный мальчишка с оттопыренными ушами, а сейчас мужчина.

– Что ты заладила мужчина- мужчина, ну,– он шутливо толкнул её в бок,– ты меня ещё дядей назови. – Наташа рассмеялась,– вот, самой смешно. Так значит, никаких выканий, словно, я древний аксакал. Ты для меня как сестрёнка, поняла?

– Ага,– улыбнулась Наташа, и они пожали друг другу руки, как тогда в старые добрые времена, которые величают детством, жаль только оно уходит безвозвратно, словно перевёрнутая страница в книге жизни.

Пока не закончился чай, они немного поговорили, а потом Нугман, посмотрев на часы, сказал, что ему пора уходить.

– Скажешь отцу, я к Журавлеву.

– Хорошо, купи нам газировки, когда будешь возвращаться?– попросила Азиза.

– И мороженого,– закончил он,– обязательно ящик мороженого и три килограмма газировки.

Девочки рассмеялись его шутке, а Азиза добавила, что только «Тархун» или «Буратино».

– Буратино я может, и выстругаю, а вот тархун здесь не растёт, с этим будут проблемы.

Нугман ушёл, девочки принялись за виноград и персики, Наташа чувствовала себя такой счастливой, что немного отвлеклась от произошедшего дома.

– Можно я тебя кое о чем спрошу?– Азиза вдруг серьёзно посмотрела на неё.

– Ну, спрашивай,– ответила Наташа, доедая сочный персик.

– А вот если бы мы тебя все удочерили, ты бы согласилась?

– Что ты, Зизка, тебе иной раз такое в голову придёт, это же надо такое выдумать!

– Нет просто, когда я увидела тебя в окне такую несчастную...

– Стоп,– Наташа строго посмотрела в глаза подруги,– только не надо меня жалеть, иначе я обижусь.

– Я не хотела тебя обижать, просто ты моя лучшая подруга, и я не хочу, чтобы тебе было плохо.

– А сейчас, знаешь ли, мне очень хорошо, а то, что дома, предки со своей пьянкой, они же меня не трогают, и я их не трогаю, окончу техникум, комнату дадут в общежитии, начну новую жизнь, просто нужно немного подождать.

Азиза обняла подругу и сказала, что если что, она все для неё сделает.

– И я,– кивнула Наташа,– все у меня будет хорошо, только нужно немного времени. – Просто папу жалко. У меня умер папа, а я сейчас с тобой шучу и смеюсь.

Наташа вдруг замолчала и смахнула набегающие слёзы.

Азиза обняла подругу и ласково погладила по спине.

– Прости, я не знала.

– Ничего. Всё пройдёт. Всё шло к этому. Просто жаль, что он в тюрьму попал. Если бы не тот случай, может мы остались бы нормальной семьёй. Ты как думаешь?

– Конечно, – кивнула подруга, – конечно.

4

1987

Пролетел год. Наташе исполнилось пятнадцать, и она училась на модельера-закройщика, подрабатывая в ателье Мадины Магоматовны, матери Азизы. У неё ещё не всё получалось, но закройщица тётя Валя хвалила её и говорила, что через год, доверит раскрой пиджаков и пальто.

Отличница Наташа лучше всех училась на факультете, преподаватели говорили, что нельзя останавливаться и после окончания техникума обязательно поступать в институт.

Казалось, девушке всё давалось легко, да и ребята хотели дружить с ней. Возможно потому, что с ней было просто. Наташа старалась не думать, что вечером ей придётся возвращаться домой. В своей комнате, она могла наедине со своими мыслями быть уверенной, что жизнь наладится.

После занятий, она спешила в ателье, а потом бежала домой, делала уроки и уходила до поздней ночи, чтобы не быть свидетелем пьяных криков матери и её дружков. Теперь у Виктории Анатольевны рабочий день стал ненормированным. Директор школы предупредил её, что систематическое пьянство ни к чему хорошему не приведёт, и после того, когда она послала его при коллегах учителях на три буквы, терпение Евгения Тарасовича лопнуло. Он покраснел, потом побелел и, стараясь не потерять самообладание, сказал, что Вероника Анатольевна больше не будет работать преподавателем.

– Таким, как вы не место в школе,– добавил он и, стукнув кулаком по столу, велел ей выйти вон.

– Ты представляешь,– жаловалась Вероника Анатольевна дочери,– этот старый козел, мне ещё будет кулаком по столу стучать. Ты куда?– словно опомнившись, спросила она выходящую в коридор дочь.

– Не могу я больше, мама,– призналась Наташа, вырывая куртку из её рук,– теперь на что мы жить будем, на мою стипендию?

– А тебе что ещё платят?– спросила Вероника Анатольевна.– И, сколько?

– Мама!– Наташа резко встряхнула её за плечи,– ты не понимаешь?! Что ты себя убиваешь, и губишь меня! Я не могу сюда привести друзей, Серёжку, Азизу, в техникуме я скрываю правду о своей семье, и мне больно говорить о тебе, слушать перешёптывания соседей. Знаешь, всё это где у меня?!– Наташа постучала ребром ладони по шее.– Тебе надо лечиться, иначе... Иначе в один прекрасный день я не вернусь домой.

Вероника Анатольевна опустила глаза и, прижимая руки к лицу, заплакала, сев на стул. Наташа смотрела на мать, и внутри души боролись противоречивые чувства.

– Мама, я прошу тебя, сходи к врачу, сделай что-нибудь, но ведь так больше продолжаться не может.

Вероника Анатольевна ничего не ответила, а тихо заплакала, словно соглашаясь с дочерью. Наташа обняла её и почувствовала, как внутри у всё съёжилось, а в желудке появилась какая-то пустота. Она гладила мать по седым волосам, за которыми та давно уже перестала следить.

– Мамочка, ты ведь была такая красивая. Давай всё начнём сначала, я помогу тебе, – пробормотала Наташа, – только ты не пей больше. – Давай завтра же пойдём к врачу.

Мать, ничего не отвечая, прижала сморщенные руки к опухшему лицу и продолжала всхлипывать. Наташа сняла куртку и, повесив в гардероб, подняла маму под руку и повела в спальню.

– Пойдём, ляжешь. Поспи немного, а я ужин приготовлю, мне сегодня как раз в ателье немного заплатили, так сказать аванс.

Она уложила мать и, накрыв её шерстяным пледом, погасила свет. За окном стало темно, а Наташа продолжала задумчиво смотреть в глаза ночи. Порой она представляла себя маленькой волшебницей, которую выкрали из семьи, а потом заточили в замке. Где-то там её дом. Наташа вглядывалась во мглу, где на неё смотрели зажигающиеся окна домов. Где-то в другой реальности.

5
1993

Этот проклятый дождь, казалось, он никогда не закончиться, думала Натали. Смотрела на часы, и была уверена, что скоро появиться Ян с той, как он выразился замарашкой.

Они не заставили себя долго ждать. Вскоре к дому подъехала автомобиль Зингера, откуда вышли двое – его русский телохранитель Пётр и молоденькая, совсем худая, казалось, измождённая девочка.

Натали прикрыла глаза ладонью и подавила в себе стон, он чуть не вырвался из груди, но девушка понимала, что необходимо быть сильной или хотя бы казаться такой. Одной больше, одной меньше, сказала она себе, я не должна всем им сочувствовать, ведь меня никто не жалел. Вскоре в двери повернулся замок и широкоплечий охранник, втолкнул девчонку в комнату.

– Привет, Петь, а что так грубо? – попыталась пошутить Натали.

– Эта малолетка, чёрт бы её побрал, сначала говорит одно потом другое... Истерик нам только не хватало. Объясни ей, что к чему, – он шмыгнул носом, – а мы поехали.

– Хорошо, – грустно улыбнулась Натали, положив руку ему на плечо. В глазах Петра появилось тепло, он поцеловал Натали в лоб и направился к выходу.

Закрыв за ним дверь, она посмотрела на девчущку, казалось ей не больше пятнадцати. Она была похожа на затравленного дикого зверька, очутившегося лицом к лицу с жестокостью мира, о которой будто узнала только вчера. Она молча смотрела на Натали, но в её глазах не было той ненависти и вызова, с которыми она смотрела на Петра. Они молчали и словно изучали друг друга.

Натали протянула ей пачку с сигаретами и добродушно кивнула в знак солидарности. Незнакомка вытаскила одну из пачки, её руки дрожали, и Натали была уверена, что ещё чуть-чуть и девчонка расплачется.

– Я тебя понимаю, детка,– сказала она, поднеся к сигарете девушки зажигалку,– не волнуйся, это хорошо, что ты попала ко мне, а не к кому-нибудь другому. Конечно, ничего нет хорошего в этом месте, но тебе лучше будет рядом со мной, можешь поверить. А теперь давай знакомиться?– она протянула ей ухоженную руку с красивым маникюром.

Девушка, словно стесняясь своей маленькой руки с обкусанными ногтями, помедлила и, вытянув пальцы, позволила сжать их этой, как ей показалось на первый взгляд, приятной и решительной женщине.

– Настя,– просто назвалась она,– хочешь услышать историю моей жизни?

– Я не в праве тебя просить, но если захочешь, я смогу помочь тебе всё заново пережить.

Натали удивила такая резкая перемена в её новой знакомой, которая только что была на грани истерики.

– Ты так странно говоришь, обычно меня посылали куда подальше, – Настя выругалась,– прости, я не буду больше, ты такая красивая и... Ты здесь.

Натали, усмехнувшись, поднялась с кровати и, подтянув пояс на красивом шёлковом халате цвета спелой вишни, подошла к туалетному столику за бокалом с мартини. Отпив глоток, она взяла с фарфоровой тарелки две маслины и, положив в рот, спросила.

– Есть хочешь?

– Хочу,– честно призналась Настя,– так со стороны посмотришь на всё это и не сразу поймёшь, что это бордель.

– Ты права,– кивнула Натали,– сколько тебе лет, чудо ты моё непутёвое?

– Семнадцать, а тебе? Или ты уже в том возрасте, когда об этом не спрашивают.

– Почему,– пожала плечами Натали,– я недалеко от тебя ушла – двадцать один.

– М-да, и у тебя юность загубленная? – усмехнулась Настя,– и у меня,– она опустила глаза,– я ни разу не пробовала, это мартини? В кино видела, что с оливками его пьют.

– Успокойся, ты ещё маленькая,– серьёзно ответила ей Натали и, взяв телефон, набрала номер кафе «Kloster» .– Сейчас я закажу ужин, а ты пока сходи, прими душ, возьми чистое полотенце в шкаф в ванной, найдёшь... Hallo, ist es „Kloster“? Ich wollte das Abendessen bestellen... Zwei Portionen der gebratenen Wurstchen mit der Soße, den Salat unter der Nummer 12 mit den Meeresprodukten ... ты ешь кальмары?– спросила Натали всё ещё стоящую в комнате Настю, на что она кивнула и спросила

– А жареная картошка есть?

– Минутку, – улыбнулась ей Натали и продолжила, – Die gebratene Kartoffel, drei Portionen, den Apfelsaft, also, und... Die Schokolade, – Натали, улыбаясь, посмотрела на Настю, которая с любопытством слушала её и покачала головой, – Allen, gut, warten wir, auf Wiedersehen. Иди, купайся, приучайся всё делать быстро и забудь грызть ногти, извини, но это выглядит ужасно.

Настя опустила взгляд на свои руки и, кивнув, быстро шмыгнула в ванную комнату.

Натали положила телефон на кровать и открыла записную книжку. Сегодня у неё должен быть Туер Румпель, а потом на всю ночь какой-то господин Шрам. Она поморщилась, перебирая в голове все эти имена, и почувствовала себя, наверное, так же, как та девчонка, которая сидела в ванной под потоками горячей воды, прижавшись спиной к стене.

Настины слёзы смешивались с водой, и она чувствовала себя плохо, если не сказать паршиво. Она плакала, и ей так не хотелось выходить из этой красивой ванной комнаты в будуар проститутки, которая, так же как и она была всего лишь вещью в цепких руках Зингера. Настя знала, что пройдёт время, и от былой красоты Натали не останется следа, в её глазах уже была пугающая пустота, и только лишь сердце пока оставалось, наверняка, прежним. Но пройдёт время и всего этого не будет и она (Настя) станет такой же. А потом? Они все рано умирают, если не найдут богатого клиента, который захочет жениться, но такое бывает только в кино. Настя выключила воду и, отодвигая занавеску, протянула руку к полотенцу, а потом услышала мужские голоса, доносившиеся из комнаты. Завернувшись в длинное полотенце, она на цыпочках подкралась к двери. Мужчин было двое, потом один ушёл, а другой остался, Настя слышала, как хлопнула входная дверь. Они говорили по-немецки, и Настя ничего не могла понять, за исключением некоторых фраз.

Внезапно дверь открылась, и она чуть не выпала в коридор. Натали втолкнула её обратно и, шикнув на неё, пробормотала.

– Незапланированный клиент, сиди здесь, а когда услышишь, что кто-то идёт сюда, забирайся в бельевой шкаф, благо, места там для тебя хватит, – она включила воду.

– А зачем? – непонимающе спросила Настя.

– Дура, – грозно прошептала Натали, – совсем не соображаешь, – она сбросила с себя халат, под которым ничего не было и, отодвинув занавеску, зашла в ванную, – тебе так хочется что ли?

– Ты что об этом?

– Нет, если он тебя увидит, мы будем в пятнашки играть, – Натали, задёрнула шторку и сделала воду горячее.

Вдруг Настя услышала шлёпанье босых ног. Затем последовал стук в дверь и призывный басистый голос, явно принадлежащий крупному мужчине. Девушка быстро юркнула к бельевому шкафу, отодвинула дверцу и как только нырнула туда, услышала щелчок открываемого замка.

– Du hier, mein K;tzchen? (Ты здесь, моя киса?),– спросил он. Настя ничего не видела и только слышала, как перестала течь вода, и Натали ему что-то ответила на немецком.

– Wirr werden gehen, ist dort viel bequemer. (Пойдём, там гораздо удобнее),– улыбнулась ему Натали, потянув его за собой, и говоря что-то о скользком поле, на что толстяк рассмеялся и согласился с ней.

Когда они ушли, Настя приоткрыла дверь шкафа и прислушалась. Она решила не покидать убежища, а дожидаться пока Натали не освободит её от мучительного ожидания.

Зазвучала музыка, и до Настиных ушей ничего не доносилось кроме этой заунывной мелодии. Она устроилась удобнее на стопках чистых простыней и всё думала, что же будет дальше, и когда они, наконец, смогут поужинать. В желудке понимающе заурчало. Она лежала и мечтала о том, что когда-нибудь всё закончится. Настя и думать не могла, что это только начало, она не хотела размышлять об этом. В её голове пронеслись воспоминания детства, когда была жива мама, и когда мир казался таким добрым, источающим сияние добра и любви.

Настя помнила, как папа вёл её за руку в первый класс, на голове у неё был огромный белый бант, а из-за букета её саму было плохо видно.

– Знаешь, папочка, я так боюсь идти в школу,– услышала Настя свой тоненький детский голосок, просочившийся из глубин памяти.

– За тобой Федя присмотрит, он обещал после первого урока забежать к тебе,– уверил папа. Маленькая Настя помнила его доброе лицо и тёплый взгляд голубых глаз. Потом многое изменилось, она вспомнила тот страшный день, когда мама с папой поругались, и они так кричали, что Алёнка, младшая сестра очень испугалась и дрожащим голосом пробормотала.

– Они убьют друг друга,– теперь эти слова шестилетнего ребёнка, казались пророческими, Настя помнила большие карие глаза Алёнки полные слёз, когда стало невероятно тихо. Настя бросилась на кухню и застыла у раскрытой двери. Мама, прижимая руки к груди, залитые кровью, подняла глаза на дочь. Она хотела что-то сказать, но из её рта вырвался только сдавленный хрип и, протянув к ней руки, женщина упала лицом вниз.

Отец стоял с пустым взглядом, сжимая кухонный нож в руке, которым обычно резали мясо. Настя до сих пор не могла забыть этой страшной сцены. Мама, распластанная на кухонном полу и лужа крови под ней, которая становилась всё больше. Отец, застывший с тесаком в руке, с лезвия которого, медленно стекала кровь. Кап-кап... капли медленно падали на пол, Настя не в силах была пошевелиться, ей казалось всё происходящее кошмаром, дурным сном. Кап-кап – казалось, это звучит со всех сторон, словно бой часов, когда они размеренно отбивают двенадцать часов. КА-А-АПП-П, от этого звука по коже побежали мурашки... В чувства её вернул голос отца, он попытался взять её за руку, но Настя завопила от его прикосновения, у неё началась истерика. Она упала на колени и пыталась повернуть маму к себе. Теперь ей казалось, что кровь повсюду, она посмотрела на липкие руки и завизжала. Отец пытался заставить замолчать её, закрывая окровавленными руками рот дочери. Настя продолжала кричать, чем привела его в бешенство.

Ужас охватил её, и хотелось только одного, поскорее убраться отсюда. Только ноги в один миг стали ватными, как и тело, которое словно налилось свинцом. Девочке показалось, что ему

пришла в голову ужасная мысль, убрать всех свидетелей, Настя ещё не верила, что это правда, но теперь, когда он замахнулся, и лезвие блеснуло в его руках, она толкнула отца в живот и, выскочив из кухни, выбежала в коридор. Там стояла Алёнка и с дрожью смотрела на сестру, халатик которой был в пятнах крови. Ничего, не объясняя, Настя сгребла сестрёнку в охапку и бросилась к входной двери. Алёнка вырывалась и кричала, но сестра тащила младшую по лестнице, а наверху слышался топот ботинок отца.

Сколько лет потом кошмар топота отцовских ног, преследовал Настю по ночам. Она просыпалась в холодном поту и вновь и вновь заливалась слезами.

– Настенька, он гонится за нами!– закричала Алёнка и прижалась к сестре, которая немного пришла в себя после случившегося. Выбрав во двор, она опустила Лену на ноги, и они побежали к гаражам, там милицейский участок, они всё расскажут, их смогут защитить. Как хотелось отмотать плёнку этого страшного кино назад, но жизнь не фильм и из неё нельзя вырезать неудачи, боль и смерть. Теперь Настя понимала, что убийство мамы положило конец их счастливой жизни. Тогда она не понимала, что произошло, она вспомнила, как Алёнка спросила:

– Настя, а Настя, а может, это был не папа?

– Алёнка, ну что ты,– Настя обняла младшую сестру.

– Но папа не мог такого сделать, он же папа,– спокойно и рассудительно продолжала девочка,– может его заколдовали?

– Мне тоже не хочется верить в это,– вздохнула Настя и, потянув за собой сестру, сказала, что нужно идти.

Потом отца арестовали, и они остались с бабушкой. Федя, ему тогда было тринадцать, ходил по комнате, сжимая кулаки, и повторял, что отец за всё ответит. Отца судили и признали невменяемым, поместив в психиатрическую лечебницу, тюремного типа...

– Ну, красавица, вылезай,– тронула её за плечо Натали, открывшая дверцу шкафа,– пойдём, ужин принесли, у нас есть пара часов, если снова кто-нибудь не заявится. Это Зингер, его дела, чувствую. Утром у меня всю душу вытряс.

– А как же ты заплатишь... за ужин?– непонимающе спросила Настя, на что Натали уверила её, что всё нормально и ей не нужно волноваться за неё.

Натали причесала длинные волосы и, поправив покрывало на постели, направилась на маленькую кухню, позвав за собой Настю. На столе стояли пакеты и коробочки с горячей едой, и она быстро начала накрывать на стол. Настя с аппетитом поглощала содержимое и сообщила, что давно так не наедалась.

– Как вообще ты здесь оказалась, девочка моя?– Натали погладила её по спутанным волосам,– зачем ты здесь, неужели Зингер воспользовался твоей доверчивостью?

– Это я воспользовалась им,– улыбнулась девушка, на что Натали покачала головой:

– Послушай, солнышко, Ян ничего не делает просто так, это хитрый лис и у него всё продуманно. Он сделал всё, чтобы я не смогла вернуться домой... у меня и дома-то как такового не стало давно,— она вдруг словно поперхнувшись, замолчала. В её глазах должны были вот-вот появиться слёзы, но она их выплакала давным-давно и теперь больше не жалела себя, она знала, что ей никогда не выбраться из этого порочного круга. НИКОГДА.

Настя, опустив глаза, поняла это, и ей стало жутко. Сначала ей показалось, что Натали вполне довольна своим положением, она была такой красивой и уверенной в себе. Девушка взяла её за руку и, нежно сжав, обняла Натали, та вздрогнула и ещё мгновение, казалось, из её груди вырвется стон, крик раненой птицы. Однако ничего не произошло, Натали постаралась улыбнуться и сдержала нахлынувшие чувства.

– Давай быстро поедим, а то мне не до сантиментов, в девять сорок у меня богатый клиент, и он не должен видеть моих слёз или следов от них. Потом как-нибудь поболтаем,— она посмотрела в упор в большие глаза Насти,— и тогда вот поплачемся друг другу, раз в неделю мы можем себе это позволить. А теперь давай всё это съедим, пока горячее.

– Прости, но это невозможно целый день... ну ты понимаешь,— осторожно начала Настя.

– Ты о чем? – словно не поняла её Натали и словно что-то смекнув, усмехнулась, – лучше бы это был секс.

– Теперь я не поняла, что здесь происходит?

– Может быть, ты слышала о таком понятии, как вампиризм, в смысле энергетический. Я – сияющая, поэтому... и оказалась здесь. Эти богатые господа не совсем обычные люди,— немного помолчав, она, продолжила,— извини, но здесь всё совсем по-другому. Магам нужна сила, а у меня, её в избытке, как хочется верить Зингеру, хотя мне всегда нехорошо, после того, как мне приходится делать это. Их не интересует секс, им нужна энергия, чтобы продлить своё могущество. Чтобы повысить свой магический рейтинг.

6

1992г

Антон давно смотрел на эту симпатичную девушку, которая слишком поздно приходила домой. Он заметил, что из-под её коротенькой юбки выглядывают очень даже стоящие ножки. Это было не его дело, но ему очень хотелось, чтобы эта девочка попала в его коллекцию.

Однажды днём в кафе, он случайно заметил её и, наблюдая, заметил, какой у неё красивый пухлый ротик и роскошные длинные волосы, к тому же она выглядела для своего возраста более чем аппетитной – пышная грудь, тонкая талия, переходящая в бедра. Антон смотрел на неё, как торговец на крепкую лошадь и про себя просчитывал, какой может получить с неё доход.

В назначенный час к нему подъехал Динаров, его телохранитель и правая рука в подобных делах.

Они заказали себе лёгкий обед и приступили к деловому разговору.

– Ну, что тебе удалось выяснить?– Антон посмотрел в сторону Наташи, которая ничего не подозревала. Её судьбу решали без уведомления и скоро посадят на крючок, как золотую рыбку.

– Смотри-ка, вот она собственной персоной,– усмехнулся Динаров, кивнув на Наташу, сидевшую у окна.

– Сладкая штучка... ну, рассказывай, что там у тебя. У меня уже есть один человечек, который спрашивал о ней.

– Ты для него стараешься?– спросил Гена, раскрывая папку,– вот полюбуйся полный набор.

– Да,– покачал головой Антон,– да нам надо молоко за вредность давать, мы же людям помогаем.

– Действительно,– согласился Динаров,– вот посмотри, мать конченная алкоголичка, живёт с сожителем таким же, как и сама. Девчонка учится в училище культуры, и работает в ателье у Ахмедовой.

– У Мадины Магометовны?– напряжённо спросил Антон, сведя брови.

– Ага,– кивнул Гена,– и к тому же она лучшая подруга её дочери Азизы.

– Этой тощей дылды? Терпеть её никогда не мог, и в кого она такая уродилась.

– Брось, Тоха, сейчас такие в модельном бизнесе во как нужны.

– Ну, чем тоще, тем страшнее, чтобы не отвлекать внимания от шедевров наших модельеров-педиков,– рассмеялся Антон.

– Да, а вот Наташа как раз учится на модельера,– он протянул Раскину папку,– ознакомись, потом решим, нужно ли нам это, всё-таки не хотелось бы, чтобы Ахмед знал о наших делах.

– Не волнуйся, я подумаю над этим, такие кадры, как эта куколка нам очень нужны. Аркадий Иосифович, понимаешь, сказал, что теперь самое время развивать наш бизнес, когда в этой стране запахло демократией.

– Мне кажется, что сейчас пахнет немного другим,– попытался сострить Гена, но вовремя осёкся, понимая, что Раскину не по душе его шутка. Несмотря на то, что они вместе прошли суровые институты жизни в колонии строгого режима для малолетних преступников, Гена знал, что Антон всегда был главнее.– Ладно, если что звони, я в офисе на Ленина.

Динаров был немного расстроен, его всегда немного обижала эта манера Раскина выставляться перед людьми, как его ещё не наказали, Гена не переставал удивляться. Всё остальное его устраивало, и он продолжал заниматься прежним, подыскивая нужные кандидатуры дево-

чек, ведя бухгалтерию, занимаясь охраной Раскина и другими сферами криминального бизнеса.

Проходя мимо хорошенькой девушки, он представил её в образе той, которой ей, вскоре, предстояло стать и не смог. Облизав сухие губы, он обернулся и, посмотрев на Антона, увидел, что он так же смотрит в её сторону. От претендентки точно исходило сияние, оно манило и могло свести с ума.

Когда Гена выходил из кафе, в двери влетел молодой парень, который чуть не столкнулся с ним и направился к столику Наташи. Раскину был хорошо слышен их разговор, поэтому он решил ещё посидеть здесь, заказав себе кофе с мороженым.

– Привет,– Сергей поцеловал Наташу в щёку,– ну, как ты? Что дома?

– Не знаю,– тяжело вздохнула Наташа,– дай сигарету, а то мои закончились.

– Опять куришь?– недовольно покачал головой Сергей, но протянул ей пачку,– что у тебя стряслось снова?!

– Не могу я больше так, – она, глубоко затянувшись, выдохнула и, казалось, вместе с этой струёй голубого дыма девушка хотела вытащить из себя всю боль, всё, что ей мешало дышать и жить.

– Наташенька,– Сергей с болью посмотрел на неё и, подвинувшись ближе, обнял за плечи.– Ты работаешь сегодня?

– Да, ещё много заказов,– она устало улыбнулась,– в ателье дела идут неплохо, Мадина Магаметовна обещала повесить меня до закройщика, говорит, что у меня хорошо получается.

– Ну, вот,– улыбнулся Сергей,– а ты говоришь, что всё плохо, пойдём ко мне сегодня...

– Серёжа,– она как-то слишком по-взрослому посмотрела на него,– я не хочу делать тебе больно, но ... ты не мой парень... ты друг, возможно, это лучше даже. Если между нами, что-то происходило, то всё это... прости, но сейчас у меня мысли не о том.

– Можешь не извиняться,– спокойно ответил Сергей, хоть её слова и задели его. – Просто я подумал, ты хочешь отдохнуть от всего этого. Я хочу помочь тебе. Ты можешь переехать ко мне и если захочешь, то ничего не будет, ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

– Поэтому не буду злоупотреблять этим,– Наташа погладила его по руке,– мама стала немного приходить в себя, я должна помочь ей, а тут... у неё появился мужик, и мне не нравится он.

– В каком смысле?– спросил Сергей и увидел, как в глазах Наташи вспыхнули напряжение и брезгливость.

– Он на меня так смотрит... – она повернулась к Сергею, и теперь их глаза и губы были так близко, что парень чувствовал её дыхание,– от него исходит что-то неприятное, и я боюсь, что всё может кончиться плохо. Я знаю, сколько сейчас таких вещей происходит, страна начи-

нает сходить с ума, и все говорят, что скоро всё полетит к чертям собачьим. – Её голос дрогнул, и она, отвернувшись, посмотрела в чашку, где остывал кофе. – Я боюсь за маму, и почти, что уверена, что Валера, задумал что-то очень плохое. С ним она снова начнёт пить и это закончится тем, что в один прекрасный день, ей будет все равно, как было несколько лет назад. Ты бы видел его глаза ... он смотрел на меня, истекая слюной... как животное...

– Прекрати,– остановил её Сергей,– ты, что хочешь, чтобы с тобой действительно произошло что-то? Ты не должна оставаться там.

– Это не обсуждается, тем более я всегда закрываю дверь своей комнаты на ключ. Мне главное – избавиться от него, надо что-то придумать. – Наташа посмотрела на часы,– извини, но мне пора, ты на машине?

– Да, тебе в ателье?

– Ага, подожди, я заплачу,– сказал он, останавливая её руку, пытающую открыть сумочку.

– Ты меня обидеть хочешь? – Наташа ничего, не сказав, покачала головой и очаровательно улыбнулась. Эта улыбка сводила с ума Сергея, он помнил её ещё со школьных лет, когда она, отбрасывая длинные каштановые волосы назад, лучезарно улыбалась.

Тогда ему казалось, что они никогда не расстанутся, но они повзрослели, и между ними теперь были уже не те отношения. Он продолжал любить её и был готов на многое, Наташа понимала это, но хотела оставаться просто другом.

Азиза осуждала её и говорила, что так нельзя, что пора парня отпустить, на что Наташа говорила, что так она совсем разобьёт ему сердце. «Там уже ничего не осталось, один осколок, который вряд ли вместит ещё кого-нибудь рядом с памятью о тебе»,– ответила ей Азиза. Наташа старалась поддерживать отношения со старым школьным другом. Со всем этим, она сказала, что если у него появится другая, она будет только счастлива, потому, что хочет ему только добра. «От меня у тебя будут одни проблемы, с моей-то семейкой»,– любила повторять она. «Пусть пока всё будет как есть»,– ответил Сергей: «И если ты однажды придёшь и скажешь, что у тебя появился любимый мужчина, и ты счастлива с ним, я отойду в сторону, и не буду вмешиваться в твою жизнь, но ты всегда сможешь положиться на меня».

Антон оплатил обед и вышел вслед за ними, быстро запомнив номер автомобиля Сергея, явно доставшегося по наследству с семидесятых годов. Это была «двадцать первая Волга» серого цвета, ещё со старыми чёрными номерами.

Антон снова прокрутил в голове рассказ Наташи, и в его голове начал зреть план, пока он ещё хотел заслужить уважения Тэлла, потому, что надеялся на совместный бизнес с ним, после выполнения личной просьбы. Раскин был уверен, что станет гораздо ближе к капиталам Аркадия Иосифовича.

Проводив молодую пару долгим взглядом, он направился к своему автомобилю – «Audi-100», тёмно-синего цвета. Кожаный салон, суперсовременная магнитола, подогрев сидений. Антон очень гордился своей машиной и обращался с ней куда лучше, чем с бедными девушками, которые ездили в ней. Он считал, что делал хорошее правильное дело, помогая несчастным девкам, их родители не удостаивали воспитанием или просто вниманием – юным

наркоманкам, бродяжкам. Сейчас их стало много, а значит, работы прибавилось, любил посмеиваться он.

Антон всегда был безупречно одет – дорогие костюмы, галстуки, шикарные туфли, всё это подобрано со вкусом и знанием дела. От него веяло приятным, не кричащим ароматом дорогого парфюма. Кто не знал его, мог подумать, что вот она мечта любой девушки.

Среднего роста, с коротко подстриженными волосами, они были полностью седыми, но, бросая поверхностный взгляд, его можно было запросто принять за блондина. Ярко голубые глаза, как у хищной птицы и такой же крючковатый орлиный нос. Мускулистые руки с длинными пальцами, широкие плечи и свободная пружинистая, как у ягуара походка.

Он всем был похож на ухоженного хищника, привыкшего исключительно к живому, ещё бьющемуся в агонии мясу, добытому в кровавом поединке. Антон никогда не прощал себе поражения и шёл к цели до конца. Из него мог бы получиться отличный руководитель, может быть политик, но за семь лет в зоне, он понял, где его место в этой жизни. Теперь это был его мир, с его законами и его Богом.

Раскин повернул ключ в замке зажигания, завёл двигатель и направил автомобиль на Ленина 40, где его ждал Динаров.

Гена не был плохим парнем, в преступном сообществе по-своему каждый был честным и порядочным, щедрым и даже добрым. Динаров, прикормленный деньгами уголовного мира и забывший, что обещал, выйдя из заключения, начать новую жизнь, теперь медленно и верно становился похожим на Антона. И если раньше он презирал в нём его самодовольство, вспыльчивость, безжалостность, то теперь гордился тем, что они так похожи, и их дружба сродни братской, когда вместе плохо, а врозь невозможно жить. Они вечно спорили и, в конце концов, делали так, как решал Антон, потому, что он всегда был прав.

7

Наташа открыла дверь усталая и голодная, сунула ключ в карман, ощущая кислый запах перегара витающего по квартире.

Тихо пройдя на кухню и включив свет, она увидела смертельно пьяного Валеру. Он храпел, положив лохматую голову на сложенные на столе руки. На скатерти валялись обглоданные хлебные корки, которые с интересом изучали два таракана. Пустые бутылки валялись под столом, тут же были осколки стекла. Наташа, поморщившись, от мерзкого запаха чего-то протухшего, почувствовала, что если сейчас не выйдет на воздух, её просто стошнит на этот стол с пьяницей Валеркой.

Выбежав в подъезд, она быстро понеслась ко выходу, и когда поток холодного осеннего воздуха влетел в лёгкие, стало легче. Она посмотрела на тёмное небо и в предчувствии непогоды, поёжилась, куда теперь, она не хотела возвращаться домой, но куда бежать, ей некуда было идти. К Сергею? Нет, она не хотела давать ему снова надежду и наблюдать, как он смотрит на неё. Ей всё осточертело. К Азизе? Это было уже совсем бессовестно, к подруге она могла пойти, но Мадина Магометовна, теперь её начальница, и Наташа не имела права заявляться в десять вечера со своими проблемами к ним.

Она медленно брела по тёмной улице, стало холодно от пронизывающего ветра. Наташа шла и понимала, что никому в этом мире нет до неё дела. Если она сама ничего не сделает, всё останется по-прежнему – пьяница мать и её сексуально озабоченный сожитель.

Она понимала, что боится не зря, и что он снова захочет повторить попытку овладеть ей. Это, тогда что-то спасло её, и теперь Наташа боялась оставаться наедине с Валеркой. Мать стала меньше пить, тогда четыре года назад, она «вшила» себе какую-то ампулу и с тех пор уже не пила так сильно. Сначала боялась умереть, но потом «добрые» люди подсказали, что через полгода уже ничего смертельного не случится. Наташа радовалась, что хоть так, до того времени, как мама не привела в дом свою новую любовь – Валерика.

Она вздрогнула от голоса, который показался ей знакомым, обернувшись, Наташа увидела, как из раскрытой дверцы автомобиля выглядывает Нугман, брат Азизы. Наташа давно не видела его, теперь он всё время жил в Москве, изредка навещая родителей и сестру в Красноярске.

– Наташа, почему ты тут одна ходишь, садись,– позвал он, она в нерешительности остановилась и покачала головой. Нугман заглушил двигатель и вышел из машины.– У тебя что-то случилось?

Наташа не знала, что говорить, не станет же она, в самом деле, изливать ему душу, она стояла словно в оцепенении, точно кролик перед удавом.

Нугман тронул её за плечо, ему стало ясно, что с Наташей что-то происходит, и он захотел, во что бы то ни стало помочь ей.

– Поедем, в кафе посидим, да ты совсем замёрзла,– он помог ей сесть в автомобиль, и когда машина тронулась, увидел, что по щекам Наташи катятся слезы. Не стал больше спрашивать ни о чём, понимая, это слишком личное, чтобы говорить ему. – У меня предложение,– внезапно он остановил машину. Наташа непонимающе посмотрела на него.– Поедешь к нам и всё, Азиза по тебе соскучилась, а завтра утром разберёмся, на тебе же лица нет.

–Я не могу поехать к вам. – Наташа знала, что он скажет, и понимала, что не может согласиться на это заманчивое предложение,– отвези меня к железнодорожному вокзалу, у меня там друг живёт.

– А ты не врешь?– спросил Нугман как-то знакомо, словно эта фраза была из далёкого детства.

– Нет,– улыбнулась Наташа, и тут её словно прорвало от безудержного смеха, она пыталась подавить его, но он рвался из неё, и Нугман понимающе улыбался, он видел, что это своего рода разрядка. Уж лучше смех, чем истерика. Они проехали совсем немного, Наташа почти, что успокоилась, и ей стало немного легче. Музыка тихо и убаюкивающее играла, пока, наконец, не заставила глаза закрыться.

Наташа не заметила, как заснула, и когда машина Нугмана остановилась, открыла глаза.

Она удивлённо посмотрела на него, заметив, как он с нежностью разглядывает её. В его взгляде не было ничего вызывающего или похотливого. Их глаза встретились, и у Наташи что-

то сжалось внутри, так же на неё смотрел Сергей, и она поняла, что испытывал Нугман. Как бы в подтверждение её мыслей он сказал.

– Смотрю на тебя и думаю, нравишься ты мне.

– Ты мне то же нравишься, Нугман,– улыбнулась Наташа,– а к чему ты это сказал?

– Поехали со мной в Москву, мне как раз нужна хозяйка,– серьёзно продолжил он.

– Эх, Нугман, – покачала головой Наташа,– я бы поехала, но не люблю, когда меня... используют. Или когда что-то не договаривают. Что ты хочешь?

– Я не могу так сразу сказать, давай завтра встретимся...– он сам не любил недомолвок, но не так, не сейчас он хотел ей все сказать.

– Зачем тебе это нужно?– она посмотрела, на его руку, лежавшую на сиденье, рядом с её ногой и почувствовала, что ей хочется поскорее отделаться от него.– Ты хороший парень, а я? Так зачем всё это, а вдруг я в тебя влюблюсь?– она озорно улыбнулась, открывая дверцу машины. Нугман, грустно вздохнув, махнул рукой. Наташа обошла машину и, обернувшись, помахала ему рукой в ответ.

Нугман надавил на газ и рванулся вперёд, слишком быстро. Он развернулся и проезжая мимо дома, где она вышла, притормозил и увидел, что Наташа уже ушла. Он ничего такого не предлагал, и чего она восприняла всё так близко к сердцу, подумал он. А может быть Наташа права, зачем ему всё это? Он прибавил скорости и тронулся дальше, сжимая в зубах сигарету и, включив на полную громкость музыку, которая рвалась из открытого окна автомобиля в тёмные улицы города.

Наташа вошла в темноту подъезда и, остановившись у двери Серёгиной квартиры, замерла перед ней, решая звонить или не звонить. Она долго перебирала мысли и поняла, что ей действительно никуда не хочется идти. Домой возвращаться она боялась, опасаясь, Валерки, пользоваться гостеприимством Зиски было уже слишком нагло. Наташа подняла руку, чтобы позвонить и вновь решила не делать этого. Сергей любит её, а она не может дать ему того, что он хочет.

Она вспомнила его поцелуи и то, как он неумело пытался заняться с ней любовью. Наташа не хотела быть перед ним в долгу и поэтому повернула назад. Словно почувствовав её, Сергей подошёл к двери и, прислушавшись, повернул ручку замка и, тихо открыв дверь, услышал шаги на лестнице. Он знал наверняка, кому они принадлежали, и у него защемило в сердце. Закусив нижнюю губу, он вышел на площадку и, посмотрев в окно подъезда, увидел Наташу, выходящую из его дома.

Ему стало больно, Сергей понял, что навсегда потерял её. Теперь их может связывать только дружба и ничего большее, но куда она идёт, он не может её так просто отпустить. Выскочив из квартиры, Сергей бросился вслед за Наташей, в чём был, в комнатных тапочках, спортивных брюках и лёгкой футболке.

– Наташа! – крикнул он, и в вечерней тишине его голос прозвучал слишком громко. Наташа обернулась на крик, похожий на предсмертную агонию и поняла, что не сможет сейчас

вот так уйти, не поговорив обо всём, слишком много было между ними. И пускай теперь всё кончено, она не имела права вот так, поворачиваясь к нему спиной, убегать от единственного друга.

– Ну, что ты кричишь? – мягко улыбнулась она, видя, как он раскраснелся и в его глазах что-то необъяснимое, жалкое. Словно у приговорённого к смертной казни заключённого. – Серёжа, ты сам на себя не похож, – она провела рукой по его щеке и внезапно почувствовала себя такой нехорошей. Его невозможно было не любить, ведь Серёжа такой хороший парень, с ним нельзя так, он не заслуживает всего, что ему пришлось вытерпеть из-за неё. Может быть, он давно бы нашёл ту единственную и забыл бы Наташу навсегда. Они стояли, смотрели в глаза, и казалось, могли читать мысли друг друга.

– Ты же совсем замёрзнешь, – она тронула его за холодное плечо, и по его коже пробежали мурашки.

– Тогда пойдём, – он настойчиво потянул её за руку.

– Хорошо, но нам нужно поговорить, – согласилась она, двигаясь рядом, сжимая его холодную руку.

Сергей понимал, о чём хотела поговорить с ним Наташа. Попробовал отвлечь её расспросами о том, что происходило дома, и почему она пришла.

– Что у тебя случилось?

– Всё как обычно. – Наташа похвалила кофе, который он приготовил для них. – Я должна научиться справляться сама со своими проблемами. Хорошо, когда есть друзья, но я не должна из года в год вываливать на вас всё...

– Успокойся, – мягко прервал её Сергей. – Я всё понимаю, я это понял, когда ты не захотела говорить со мной и когда ты попыталась убежать. Я живу один, и ты можешь жить у меня, ни о чём не думая. Я всё понимаю, и если ты не хочешь, то... мы... мы будем друзьями.

– Серёжа, – Наташа взяла его за руку, – я не должна так поступать с тобой и поэтому, я уйду, прямо сейчас, так будет правильно, – как бы в подтверждение своих слов, она вышла из-за стола и направилась в прихожую. – Не бойся за меня, я смогу за себя постоять. У меня осталось совсем немного времени, я уеду...

– Куда? – непонимающе спросил он, поднимаясь вслед за ней, и на какое-то мгновение Наташе показалось, что в его глазах промелькнула холодная ярость. – Ты... ты не можешь, – Сергей стал не похожим на себя, и ей показалось, что ещё немного, и он расплечется, как маленький мальчишка. Потом, что-то заставило его сдержаться, и он, посмотрев в её глаза, покачал головой. – Я не должен так поступать, уходи, если хочешь, но... Но мне очень непросто будет вырвать тебя из сердца. Прости, я ничего не могу с собой поделать, ты скажешь, что я слабак и рохля...

– Нет, Серёжа, – Наташа взяла его за руку, – я не должна была... давать тебе надежду, но тогда, мы... не думали, ни я, ни ты, но я не могу быть с тобой только из-за того, что у меня нет дома и я... до боли одинока...

Он не дал ей договорить и крепко, по-дружески обнял. Когда они вышли из подъезда, начался холодный пронизывающий ветер, Наташа, посмотрев в тёмное небо, поморщилась от капель начинающегося дождя.

Они стояли мокрые, не ощущая холодных капель хлынувших с неба. Сергей понимал, что надеяться не на что, но в человеке всегда остаётся надежда, и она не давала ему совсем отчаяться и замкнуться в себе. Сергей взял её за руку и настойчиво повторил, что сегодня она никуда не пойдёт.

После холостяцких макарон с сосисками и крепкого чая, Наташе стало немного лучше. Они проговорили до поздней ночи, и она рассказала ему всё о своих планах и о том, что когда-нибудь её проклятой жизни придёт конец, и она добьётся всего, что только пожелает.

8

Утром в шесть затрезвонил будильник. Наташа, проснувшись, умылась, привела себя в порядок и, направившись на кухню, поставила чайник на плиту.

В хлебнице остался немного чёрствый, но ещё не тронутый плесенью батон, а в холодильнике к счастью она нашла несколько яиц и кусочек сыра. Через минуту, разбуженный запахом жарящихся гренков с сыром, вошёл Сергей.

Он, потянувшись, посмотрел на часы и, улыбаясь, пожелал Наташе доброго утра. Она положила тарелку с гренками на стол, налила в чашки чай. Как он мечтал об этом, но не высказал это вслух, Наташа была такой красивой, так быстро всё приготовила что, поедая вкуснейшие гренки, Сергей думал, что это и есть счастье, когда любимая готовит для тебя завтраки. «Это так глупо», – рассмеялся где-то внутри его второй, насмешливый голос: «Щас, будет она тебе гренки каждое утро жарить, размечтался, нужен ты ей сто лет»...

– Ну, вот, – она села с ним рядом, – спасибо за то, что приютил меня, надо успокаиваться и наводить порядок в доме. Я много думала и решила, что просто не буду с ними общаться, ни с матерью, ни с Валеркой. Надоело. А потом, может, комнату сниму. Мадина Магометовна обещала помочь, да и получать больше буду.

– Нет, если что, моё предложение остаётся в силе. Если хочешь, вдвоём будем платить за квартиру, и... можешь ничего не бояться... друзья так друзья. – Он до последнего надеялся, что Наташа согласится жить с ним в одной квартире, а потом... потом она все-таки полюбит его, ведь нет ничего невозможного. Но Наташа покачала головой и, допив чай, поставила чашку в раковину. С её лица спала утренняя беззаботность и, открыв кран, она с трудом подавила в себе желание поддаться на его предложение. Она знала, что потом не сможет смотреть в его щенячьи глаза и быть такой неблагодарной. Любви не было, ведь Серёжа был для неё всего лишь школьным товарищем, с которым они когда-то пытались попробовать любить по взрослому, но всё оказалось не так.

Наташа закрыла кран и, повернувшись, посмотрела на Сергея. В его тёмных глазах боль, и это ещё больше угнетало. Девушка взяла его пустую чашку и, помыв, вытерла стол от крошек.

– Знаешь. – Он ласково взял её за руку, – тебе нечего бояться, всё у тебя будет хорошо.

– Я знаю,– уже с большей уверенностью в голосе сказала Наташа. – Спасибо тебе... Серёжа. Мне пора, пока доеду, идти там ещё долго.

– Пойдём, я провожу тебя.

Дождь за окном продолжал барабанить по стеклу, и казалось – это надолго. Раскрыв зонт, Сергей проводил её до остановки и когда подъехал автобус, Наташа поцеловала его в щеку и направилась в сторону открывшихся дверей.

Он прикоснулся к щеке, к тому месту, где его тронули её губы. По телу пробежала сладкая волна. Сергей стоял с закрытым зонтом и не чувствовал, что на него попадают капли, холодного морозящего дождя. Он сжал зубы, понимая, что Наташа уехала навсегда и вряд ли когда-нибудь её губы дотронуться до него снова, в лучшем случае, это случится как дружеское и невинное рукопожатие. Чёрт, почему, спрашивал он себя? В каком месте он ошибся, когда Наташа поняла, что он не тот, кто ей нужен? Ведь у неё не было другого парня, она ни в кого не была влюблена. Может, просто что-то в ней сломалось, и Наташа осознала, что не хочет продолжать более тесные отношения. Сладкая волна от её поцелуя стала почти болезненной, и Сергей почувствовал, что ещё немного, и он расплечется. Он не хотел этого, и совсем промок, и пусть ему было холодно, он ничего не чувствовал потому, что начал отвыкать чувствовать что либо.

глава 1

Танцы марионеток

В колчане дьявола нет лучшей стрелы для сердца, чем мягкий голос.

БАЙРОН Джордж Ноэл Гордон

1

– Повернись, моя детка,– Антон хлопнул по пышному заду смуглую красотку. – Если на свете и есть Бог, то он наверняка завидует мне, ведь я могу иметь тебя столько, сколько захочется. Надя рассмеялась, подставляя губы поцелую. – Постой, куколка. Расскажи лучше, как у нас дела в Кемерово, ты видела Аркадия Иосифовича?

– Да, Антон Александрович,– таинственно простонала смуглянка,– им ещё много нужно сделать, по его словам не все хотят,– она приподняла брови, – ты меня понимаешь, там не все хотят вникать в слова господина Тэлля.

– А с тобой им легче найти взаимопонимание?– ухмыльнулся Раскин кивая и наливая себе шампанского,– ты же моя девочка всё сделала, как я тебя просил?

– Обижает,– наиграно надула губки смуглянка,– девочек столько было, а компроматика!– протянула она,– так что я не завидую тем, кто, плюясь, доказывает наши антиобщественные и аморальные действия.

– Чёрт побери, алмаз души моей, ты просто рождена для проведения таких операций.

Смуглянка благодарно расплылась в улыбке, ей пришлось пройти долгий путь, чтобы сейчас лёжа с Раскиным в одной кровати обсуждать политическую жизнь и посмеиваться над теми, кто попал в расставленные ею сети.

– Ох, Надежда, не хотел бы я попасть в твои остренькие зубки, – шутливо улыбнулся Антон, – ты пиранья ещё та, но пока ты с нами, мы не кинем в твою полноводную речку динамита, – он рассмеялся, и Надя, улыбаясь, кивнула ему в ответ, ей нечего было бояться. Положение, в котором она была, устраивало её как нельзя лучше.

Ей было тридцать пять, с шестнадцати она колесила по всему Союзу и поднялась с самого дна. Она не понаслышке знала о тяжёлой жизни вокзальной проститутки, но уже тогда решила, что вылезет из дерьма и грязи. Отчасти ей это удалось, однако она была связана по рукам и ногам, так как полностью принадлежала Тэллю, но и её жизнь теперь многим девочкам казалась раем. Она обслуживала только очень богатых клиентов, чиновников и важных служителей закона, когда это было нужно. Она стала своего рода Мата Хари для Тэлля и его преступной организации, которая держала в страхе весь Красноярский край и даже запустила кровожадные щупальца в Кемерово, Иркутск и другие крупные города.

Тэлль организовал чётко налаженную сеть сбыта наркотиков и оружия, в руководстве крупных заводов были его люди, которые входили в состав управления. За несколько лет он создал Империю, и теперь любой чиновник и пальцем не мог пошевелить без его разрешения. Его верные псы разъезжали на дорогих машинах, облагая данью магазины и рынки, чувствуя себя жнецами прежде великой и могучей страны. Всех, кого не устраивал данный порядок вещей, ожидали неприятности. Сначала визиты налогового инспектора или милиции, которым есть всегда к чему прицепиться. Потом же, проблемы шли по возрастающему вектору – угрозы, избиения, поджог, похищение детей, родственников. Ну, а в конце этого пути, для особо стойких – мраморная плита надгробья на кладбище. Поэтому большинство предпринимателей решали всё по-иному и в добровольном порядке, понимая, что все хотят кушать и нужно делиться, чтобы ты и твои дети могли спать более или менее спокойно.

Антон запахнул халат, тот приятно охлаждал разгорячённое тело и, вынув из бумажника фотографию, протянул её Надежде.

– Кто это? – улыбаясь, спросила она, неумело пряча ревнивую усмешку.

– Киска да? Одна моя знакомая. – Он ехидно хихикнул, хлопнув Надю по голому плечу, – не ревнуй, моя прелесть, эта девочка нужна для Аркадия Иосифовича.

– Да ладно? – отмахнулась Надя, – что это за дурь нашла на хозяина... – она не договорила, так как получила пощёчину, в её глазах блеснули слёзы и вспыхнула обида. Женщина прижала к щеке пухлую ладонь и пробормотала. – Прости, Антон, я не думала, что это... что это так важно...

– Я боюсь, что язык у тебя сильно длинный, Надежда моя, и если ты где-нибудь подобное ляпнешь. – Он посмотрел по сторонам, словно эту комнату прослушивали ищейки Тэлля, и приглушил голос. – У тебя, что мозги распухли от кокса или ты совсем уже ничего не боишься?

– Я... я... – всхлипнула она.

– Тупая курица,– бросил ей Антон,– весь вечер испортила.

Он знал, что прослушивающая аппаратура может быть везде и любая шестёрка может такого наплести, чтобы занять его место рядом с Тэллем, поэтому Антон пресекал подобные вольности на корню.

– Антоша,– всхлипнула она,– я дура, ни о чём не думаю, как получу удовольствие.

– Где бы ты сейчас была, если бы не Аркадий Иосифович, где бы были все мы, да ты должна, на него как на икону молиться. Ладно,– резко вставил он,– надеюсь, этого не повторится, теперь к делу. Видела фотку, сзади адрес и ещё кое-какие подробности, шеф хочет эту девочку, но она не так проста, как кажется, поэтому нужно сделать всё, чтобы она у меня, – он сделал акцент на последнее слово, – попросила помощи, а я ей так помогу, потом ещё благодарить будет. У неё подходящая семейка, поэтому думаю, наша операция много времени не займёт.

– Можно вопрос? – осторожно проговорила Надя, испуганно глядя на Раскина. Он, скривив губы, кинул ей ручку и блокнот. Надя написала. «А что он не может сам с ней познакомиться, ведь он влиятельный мужчина».

– Так надо,– жёстко ответил Антон,– и это не твоё дело, работай. Или мне найти другого человека?

– Я тебя поняла. – Она обиженно смотрела перед собой, сейчас ей хотелось лишь одного, чтобы Антон ушёл и не видел её заплаканного лица. Надя потянула к себе простыню и закрылась до самого подбородка. Отчего больно слушать его, словно плёткой по телу стегал он её колючим взглядом, и женщина, закрыв лицо, заплакала. Он удивился проснувшейся сентиментальности, списав это на алкоголь.

– Не ной,– небрежно бросил Антон и, закуривая, открыл окно. – Сама виновата, не думаешь, впредь будешь умнее. Смотри, дождь так и не проходит, мерзкая погода, полетишь со мной на Новый Год, на Кипр, ты, поди, и не была там?

– В Египте была,– более спокойно ответила Надя.

– Не дуйся, смотри, лопнешь,– рассмеялся он. Приступы бешенства у него так же быстро заканчивались, как и начинались, он стянул с неё простыню и, потянув за руку, потащил к окну. «Когда-нибудь, всё это будет моё, Тэллю недолго осталось»,– ухмыльнулся про себя Антон: «Вот тогда и наступят по-настоящему хорошие времена».

– Моя смуглянка, ты же первоклассная баба, но если будешь думать своим пухлым задом. – Он улыбался, как хищный зверь, – тогда мне придётся тебя наказать.

Надежда знала, что в его глазах столько же ласки, сколько у Кая, которого заколдовала снежная королева, поэтому улыбалась, прижавшись к плечу Антона.

2

Пронеслось несколько дней, и Наташа с головой ушла в учёбу, ей никак нельзя было остаться позади состава уходящего поезда. Она очень хотела поехать в Ганновер, поэтому по-

прежнему должна была оставаться лучшей ученицей факультета. Всё это изматывало – учёба, работа допоздна, домашние задания, шитье на заказ. Хотя она всё успевала, ей приходилось нелегко. Под глазами залегли тёмные круги, порой она и поест, по-человечески, не успевала. Одно у неё сидело в голове, что медленно, но верно она шла к своей цели. Скоро судьба подмигнёт ей и прижмёт к тёплой груди. Наталья умчится в Ганновер, а если не повезёт в Артёмовск к тёте Лене и жизнь наладится.

В один из холодных дней, когда Наташа получила зарплату, солнце припекало, и мороз не так ощущался, а к вечеру пошёл снег.

Наташа купила продуктов и, войдя в квартиру, поняла, что никого нет, что её очень обрадовало. Она поставила чайник на плиту, и когда он закипел, сделала себе чаю, бутербродов и отправляясь с подносом в свою комнату. Когда она вошла, то что-то показалось ей не так. Что-то неуловимое стояло в воздухе, Наташа поставила поднос на стол и задумчиво посмотрела по сторонам, какой-то кислый запах витал в комнате, то ли чужого пота, то ли грязи. Она поморщилась, ощущая чьё-то незримое присутствие.

В сердце кольнуло и, предчувствуя неладное, Наташа открыла платяной шкаф, сердце застучало сильнее и, казалось, оно сейчас вырвется из груди. Она сунула руку под полотенца и, вытащив большой старый кошелёк, который раньше принадлежал её бабушке, поняла, он пуст. Кровь точно отлила от щёк и, покачнувшись, Наташа прижала руки к лицу, не веря в произошедшее.

Потом она снова открыла кошелёк и заглянула внутрь, нет, это не было кошмарным сном, деньги исчезли – три тысячи долларов, которые она собирала за всё время, что работала в ателье.

Наташа бросила кошелёк на стол и почувствовала, как внутри начинает закипать гнев, она знала наверняка, кто обокрал её, и была уверена в этом. Мать вряд ли решилась бы на этот мерзкий поступок, она ещё не потеряла рассудок и не спилась окончательно, чтобы воровать у дочери деньги. Почему-то именно в причастность матери, Наташе хотелось верить меньше всего. Оставался один вор – Валерка.

Она сжала кулаки и ощутила, как в висках застучало, к горлу подкатила тошнота и голова закружилась. Наташа рухнула на кровать и, обхватив подушку двумя руками, заплакала. Она не могла прийти в себя и не могла остановиться, сдаться, слёзы душили её, и теперь, казалось, что она никогда не выберется из этого ада. Наташа была в отчаянье, все планы рухнули – с этими деньгами, она могла что-то начать, а сейчас опять всё вернулось на круги своя. Немного успокоившись, она выпила остывший чай без аппетита, бутерброды показались ей ужасными, и в рот ничего не лезло, теперь в голове крутилась только одна мысль – вернуть деньги и наказать вора.

Ни мать, ни Валерка не возвращались до самого вечера, и Наташа уснула, свернувшись на кровати, обняв большого плюшевого медведя, который с детства был любимой игрушкой.

Ей снилось, что она в красивом свадебном платье идёт по красной ковровой дорожке, её встречают люди и все хотят пожать руку, улыбаясь. Вокруг красиво, под локоть её ведёт незнакомый мужчина, лицо которого размыто, но она чувствует тепло, исходящее от него, какое-то сияние, отчего становится легко и свободно.

Это чувство свободы переполняло, пока впереди она не увидела человека. Он совсем не улыбался, а просто кивал ей, словно давая понять, всё это принадлежит ему. Его глаза похожие на ртуть, в них нет зрачков, только серебристая муть, отражающая свет.

Он кивал и кивал, становясь похожим, на китайского болванчика, и Наташа почувствовала, как почва уходит из-под ног.

На руках сомкнулись чьи-то пальцы, она хотела закричать, но широкая ладонь незнакомца, закрыла ей рот. Наташа всеми порами кожи могла только ощущать ужас.

Она искала глазамитого человека, что только был рядом с ней, но тот исчез. Теперь Наташа оказалась совершенно одна. Вокруг выросли высокие стены из густого кустарника... Она бросилась вперёд, слыша, как за ней крался дикий разъярённый зверь, понимая, что выхода нет.

У её некогда красивого платья обтрепался подол, и оно было всё забрызгано грязью. На какой-то момент, Наташа остановилась, поднеся руки к лицу, и ... в ужасе увидела – её руки перепачканы кровью.

Она закричала и услышала тяжёлое дыхание за спиной, точно неведомый зверь ждал, когда она бросится бежать. Его запах заставил её содрогнуться и, вскрикнув, она проснулась.

Перед глазами словно выпала из тумана небритая ухмыляющаяся физиономия Валерки, который, казалось, сидел здесь уже долго и наблюдал за ней.

Девушка подпрыгнула на кровати и отпрянула назад.

– Что ты здесь делаешь?! – сердце бешено заколотилось.

– Ты так вопила, что мне пришлось заглянуть к тебе на огонёк, – ехидно улыбнулся он. Наташа почувствовала неладное, потому что Валерка оказался трезвым, хотя в его покрасневших глазах что-то было, они казались стеклянными и какими-то блестящими. Она смотрела на него и как будто прошла вечность, пока она пришла в себя от кошмарного сна. Теперь же внутри остался страх. Он липкими щупальцами крепко вцепился в сознание.

В эту минуту Наташа забыла о деньгах, перед глазами по-прежнему стоял человек с глазами цвета ртути, кивающий головой, сковывая её пальцами, которые не давали пошевелиться. Ужасный лабиринт со зверем, охотящимся на неё, липкая кровь на руках. Она поднесла снова их к лицу, словно желая убедиться, что они чистые и на них нет ничего, что всё это сон, но ощущение было такое, словно всё это случилось наяву.

– Ты что принимаешь наркотики? – рассмеялся Валерка, он все ещё находился в комнате. Наташа, вдруг вспомнив о пропаже денег, поднялась с кровати.

– Зачем ты это сделал?

– Не понял? – На его лице появилось действительно непонимающее выражение. – О чём ты, детка? Я просто вошёл, чтобы убедиться, что с тобой всё в порядке, а ты бросаешься непонятными обвинениями?

– О деньгах... Я говорю, о деньгах,– уже не так уверенно ответила Наташа,– у меня пропало три тысячи долларов...

– Ни хрена себе, какая ты богатая у нас! Мы значит, с твоей мамкой водку палёную пьём, а ты бабки такие зажала.

Наташа в упор смотрела на него. Что-то в этом разговоре было не так, и она должна понять, врёт он или нет. Она не должна доказывать, что это он украл деньги, она знала это. Он забрал её деньги! Надо держать себя в руках и всё расставить по местам, думала она. Его долго не было, да и она сама не ночевала дома, чем предоставила ему прекрасную возможность обчистить её кошелёк.

– Валера, я тебя пока по-хорошему прошу, если это не ты, то я извинюсь...

– Интересно как же ты это сделаешь?– Он скользнул глазами по её ногам, и Наташа почувствовала, что ещё немного, и она взорвётся. Не смотря на его наглууюхылку, она взяла себя в руки и продолжила.

– Я заявлю в милицию.

– Ты угрожаешь мне?! – он встал с кровати и вплотную придвинулся к ней. В покрасневших глазах плясали бесенята, и от этого взгляда, Наташе стало вдруг по-настоящему страшно.

– Нет,– как ни старалась она, но её голос дрогнул, и Валерка, почувствовав её страх, больно сжал ей запястья,– Валера, я хотела уехать, и живите вы тут как хотите, но мне нужны деньги...

– Надо было раньше говорить,– ухмыльнулся он, продолжая стискивать её руки клещами- пальцами,– если бы ты знала,– он облизнул обветренные губы,– если бы ты знала, моя детка, обо всём, ты бы давно уже уехала, и тебе было бы наплевать на твои денежки.

– Я не понимаю, о чём ты говоришь? – Страх сжался в комок внизу живота, и Наташа покрылась испариной.

Валерка не казался крепким парнем и был всего на голову выше её, но Наташа понимала, что если он захочет, то запросто справится с ней. Самое ужасное, что он тоже знал это и, читая в её глазах боль, отвращение и страх, с благоговением ощущал власть над ней.

Валерка давно хотел её, как только увидел ещё в первый раз. При мысли о том, что Наташа будет стонать и извиваться под ним, у мерзавца затрепетало внутри, а кровь прилила к вискам.

С Вероникой он жил только из-за квартиры, так как нигде не работал, а несчастная женщина алкоголичка, могла худо-бедно его содержать, да и квартира у неё была вполне сносная. Когда же он понял, что красавицу дочку некому защитить, в его голове начал зреть омерзительный план, завладеть квартирой, а заодно и Наташей. Тут ещё подвернулось одно дело, за которое обещали отлично заплатить. Ему предложили организовать доставку «подарка» для

важного человека. Презентом должна был стать девушка, которую он прекрасно знал, только вот беда она совершенно не доверяла ему. Поэтому Валерка решил действовать по-своему.

– Знаешь, моя дорогая, у нас с твоей мамой праздник,– он, улыбаясь, потёр ладони,– теперь это и моя квартирка...

– Нет,– покачала головой Наташа,– мама бы никогда... – она попыталась встать.

– Обидно ошибаться. Да?– он резко швырнул её на кровать,– она всё сделала, как я ей сказал, и теперь ты можешь выметаться отсюда, когда захочешь! Только сначала необходимо оплатить коммунальные услуги.

Он снова мерзко рассмеялся.

Наташа не могла понять, что происходит, за один какой-то миг ей показалось, что кошмарный сон обретает реальные очертания и скоро превратится в её жизнь.

Она ещё не осознала до конца, что происходит, одно стояло перед её глазами – ухмыляющаяся физиономия Валерки, который, склоняясь над ней, что-то приглушённо говорил.

Наташа, не слыша его, смотрела на обветренные губы сожителя матери и на почти что зажившую ссадину на щеке. В чувство её привело его прикосновение, от которого, она, взвизгнув, подскочила на кровати и начала отчаянно отбиваться.

Это не помешало ему прижать её к кровати. Наташе стало трудно дышать, как будто Валерка весил в два раза больше, чем казалось.

Наташа никак не могла освободиться от его жёсткой хватки, сковавшей, словно наручниками запястья. Он шумно дышал ей в лицо, а в глазах появился жадный блеск, на лбу выступили капельки пота. Валерка с трудом сдерживал её, отчего тёмные волосы сальными прядями прилипли ко лбу. Наташа ощутила прилив тошноты, её лицо горело, а в животе противно сжалось в предчувствии чего-то мерзкого, грязного и отвратительного. Она знала, что не сможет одолеть Валерку, и в отчаянии закричала. Собственный крик ей показался каким-то сдавленным и хриплым. Он закрыл ей рот широкой ладонью и рывком выдернул ремень из брюк, быстро замотав им её руки.

Как у него это получилось сделать, Наташа не могла понять. Вырваться уже не удалось. Она, изгибаясь, пыталась освободиться, но теперь, когда руки привязаны к спинке кровати, её попытки стали тщетными. Переведя дыхание, она посмотрела на него, тяжело дыша. Ни верилось, что она лежит связанная и беспомощная и что теперь её жизнь в руках этого омерзительного опустившегося существа.

Он смотрел на неё, и наслаждался превосходством. Наташа глядела сквозь него стеклянными глазами, предчувствуя все его грязные замыслы. Ей хотелось одного, чтобы всё поскорее закончилось. Он не заставил себя долго ждать и, отпив из принесённой бутылки пива, медленно вернулся к своей пленнице.

– Лучше бы ты этого не делал,– процедила сквозь зубы Наташа, понимая, что её слова, просьбы или угрозы напрасны. Они только больше разозлят подонка. Валерка, усмехнувшись, провёл пальцами по её губам и, не успевая отдернуть руку, почувствовал боль.

– Сука!!! – он ударил Наташу кулаком в живот, она, разжав зубы, отпустила его палец, который успела прокусить. Задохнувшись от боли, девушка не почувствовала второй удар и только щелчок выскакивающего ножа вернул её в действительность.

– Только дёрнись, овца, и я тебя разрежу на кусочки, а потом смою в унитаз, никто, ничего не найдёт!– он размахивал перед её лицом ножом, заставляя Наташу вжаться в подушку и почувствовать, что такое, когда смерть действительно дотронулась пальцами до твоего горла.– Ты что думала, ты королева? Ну и что, если перед тем, как отправить тебя в путь, я немного попользуюсь тобой, – немного спокойнее добавил Валерка. – Я сделаю с тобой всё что захочу,– и, как бы в подтверждение своих слов, он больно кольнул её лезвием ножа,– так что не шути со мной, детка.

Пленница закрыла глаза, понимая, живой не уйти. Нет ничего страшнее, ощущать беспомощность перед лицом смерти, однако Наташа хотела жить, пусть ей придётся сейчас очень плохо, но она будет жить.

Она и не догадывалась, что в её жизни может произойти такое, ведь кажется, что плохое случается только с другими, но только не с тобой. Она сжалась, хотя тело напряглось, как струна, и попыталась, не сойти с ума, пройдя через унижение, боль и отвращение, не только к алкоголику и наркоману Валерке, но и к себе.

Очнулась она, когда стало стемнело. В окнах дома напротив не горел свет, рядом, сжимая за талию, сопел её мучитель. Наташа, чувствуя ломоту во всем теле, попыталась повернуться, но тут же почувствовала холодное ледяное лезвие у горла.

Насильник не спал, он ждал, когда жертва проснётся, чтобы снова растоптать и уничтожить остатки её воли. Наташа поняла, что придётся немного подождать, пока Валерка успокоится и поверит в её покорность. Она зубами разорвёт путы и вырвется на свободу. Где же мама, вдруг промелькнуло в голове. Если он ощущал себя безнаказанным, значит, с ней что-то случилось, он не настолько глуп, чтобы так себя вести, зная о возвращении матери. Только Валерка был в курсе, что Вероника не придёт, потому что сам посадил её на поезд до Сосновоборска и отправил знакомиться со своей матерью. Пока Вероника гостит у свекрови, он удачно распорядится новой собственностью и потом закончит дело, что поручили ему. Только так он мог расплатиться с карточным долгом, только так.

Наташа и не подозревала, что за человек Валерка, который нагло влез в их семью и разрушил до конца, что уже и так висело на волоске от гибели.

Он, бывший игрок, работавший в одном из подпольных казино Тэлля, волей злого случая оказался в семье той самой девушки, которую заказал его хозяин. Каково же было его удивление, когда к нему обратилась Надька Шоколадка с просьбой и фотографией Наташи. Бывают же такие совпадения в жизни, подумал он и решил, что всё сделает на лучшем уровне, лишь бы его долг был погашен, а именно это обещал человек Надьки.

Ему дали неделю на всё про все, помогли с оформлением брака и квартиры на его имя, а дальше, отправив жену в Сосновоборск, он решил незамедлительно приступить к осуществлению своего плана. Причём он сразу убивал двух зайцев, Наташа всегда держалась с ним на расстоянии и при удобном случае закрывалась в своей комнате, чувствуя его похотливые взгляды и мысли, которые словно рентген просвечивали девушку насквозь. В его обязанность входило привезти Наташу в загородный дом Раскина. Однако Валерка решил использовать своё положение, а только после осуществление грязных фантазий преподнести Наташу на блюдечке с голубой каёмочкой Раскину. Тому-то, рассуждал Валерка, какая разница, лишь бы всё прошло по намеченному плану.

За окном начало сереть и долгая мучительная ночь, которая принесла столько боли, наконец, закончилась. Наташа осторожно попыталась пошевелиться и с облегчением поняла, что одна. Руки по-прежнему были так стянуты ремнём, онемевших пальцев она почти не чувствовала.

Она попыталась пошевелить ими, но только поморщилась от боли. Потом старалась освободиться целый час, только из этого ничего не вышло, ремень был затянут профессионально. Вдруг в двери щёлкнул замок и в комнату вошёл новый хозяин её жизни. Наташа всеми порами тела ощущала страх поселившийся внутри неё и, посмотрев в его глаза, попросила развязать её.

– Мне нужно в туалет. Я не убегу, отпусти меня... я... никому не скажу, – пробормотала она и не узнала свой слабый затравленный голос.

– Ты уверена? – с издёвкой спросил он и, сев на край кровати, прикоснулся к её шее, Наташа, вздрогнув, попыталась отстраниться, но он больно сжал её за горло и, склонившись, грубо поцеловал в губы. – Я развяжу тебя, но только для того, чтобы не ложиться в обделанную тобой кровать. Только попробуй выкинуть что-нибудь, и я не завидую твоей мамаше, когда она найдёт от тебя только маленькие кусочки миленького тельца.

Наташа, содрогнувшись, проглотила комок, подкативший к горлу. Валерка освободил стянутые ремнём руки жертвы и толкнул к выходу.

– Можно спросить? – она остановилась у двери.

– Спрашивай, – небрежно бросил он, разваливаясь на смятой постели.

– Зачем тебе всё это? Ты... не похож на маньяка.

– А что раньше ты была знакома с Чикатило или Джеком – Потрошителем? – усмехнулся он, и Наташа, опустив глаза, направилась к ванной комнате.

– Когда-нибудь узнаешь, – продолжил он, и в его голосе прозвучала какая-то холодная ирония, – жизнь так не предсказуема, детка.

Он не дал ей закрыть за собой дверь, заставив принять душ, а потом снова скрутил, теперь уже бельевой верёвкой, и опять привязал к кровати. Наташа не догадывалась, что это только начало и пока ещё надеялась на скорое освобождение. Несколько дней Валерий жестоко избивал и насиловал её, не в силах совладать со своей порочной безнаказанной похотью, пока, наконец, она уже была в таком состоянии, что её и связывать не нужно было. Наташа то и дело

теряла сознание и была похожа на большую тряпичную истерзанную куклу, хотя от куклы её отличало то, что в ней теплилась надежда и зрела жажда мести. Теперь она знала наверняка, что убьёт своего истязателя и сделает это с большим удовольствием.

Пальцы ныли, тело саднило, и Наташа знала, что ещё немного и её время настанет. Пршёл ещё один ужасный день, и близилась ночь, которая могла принести ей только страдания.

Валерка то и дело накачивался таблетками, а потом превращался в зверя.

Она слышала, как хлопнула входная дверь, по всей видимости, он ушёл, чтобы пополнить запасы спиртного решила Наташа и попыталась подняться. В голове шумело, ноги не слушались, от нового прилива тошноты, она почувствовала, что её сейчас вырвет, и побежала в ванную комнату. Наташа была уверена, что у неё сотрясение мозга, поэтому ей и было так плохо. Она умылась и, приложив ко лбу смоченное холодной водой полотенце, посмотрела в зеркало, висящее над раковиной, и ужаснулась. На неё смотрели отрешённые глаза с чужого лица. Закрыв ладонью рот, она посмотрела по сторонам и, зайдя на кухню, вытащила из стола большой кухонный нож. Так больше не могло продолжаться, она поморщилась от боли в руке и, посмотрев на посиневшие пальцы, поняла, что не в состоянии удержать даже ложку в руке, не то, чтобы нанести удар довольно таки крепкому мужчине. Наташа ничего не знала о том, что можно было сделать с руками, но она должна была что-то предпринять и покончить с этим адом.

Подойдя ближе к двери, она прислушалась и, дёрнув за ручку, поняла, что заперта, что же делать, как выбраться отсюда. Её мысли прервали шаги на лестнице, это вернулся Валерка, который, быстро открыв дверь, столкнулся с ней. Непонимающе посмотрев на жертву, он закрыл дверь и, демонстративно повернув замок, положил ключ к себе во внутренний карман куртки.

– Я думаю, ты получил что хотел? – произнесла Наташа тихим, но твёрдым голосом. Глаза Валерки опустились на её руки, в которых был зажат нож, – отпусти меня, я уйду и никогда не вернусь сюда...

– Я ещё не все получил, – ухмыльнулся он, – ты должна кое-что подписать.

Наташа непонимающе подняла брови, она не ожидала такого поворота.

– Я не понимаю, о чём ты?

– Сегодня в девять вечера сюда придёт один человек, и ты подпишешь все документы.

– Объясни, чёрт возьми! – не выдержав, закричала она и тут же полетела на пол, теряя сознание, последнее, что она помнила это кулак, летящий в лицо.

В забыты, Наташа снова бродила по тёмному лабиринту из вечнозелёного кустарника. Он стал таким густым, что невозможно было голыми руками пробиться сквозь колючую стену.

Она шла и знала, что снова не сможет найти выход, теперь ей не было так страшно, словно она смирилась с ужасом этого странного места. Каждый раз, поднося руки к лицу, она снова видела кровь, которая точно сочилась из них, но при этом девушка не чувствовала боли. Страх

снова начал подбираться из тёмных глубин подсознания, пробивая себе дорогу новыми видениями и жутким шепчущим голосом. Он что-то бормотал ей на ухо, но Наташа ничего не могла разобрать, так как начался ветер, который завывал, как дикое страшное животное... Открыв глаза, она поняла, что находится в полном мраке. Ничего не понимая, она попыталась пошевелиться и подумала, что лежит в тесной комнате. Когда глаза немного привыкли к темноте, девушка поняла, что находится в кладовке. Наташа попыталась встать, и к своему удивлению обнаружила, что не связана, что же заставило Валерку снова не привязать пленницу к кровати, подумала она и, подойдя к двери, прислушалась. В квартире тихо, она повернула ручку и, открыв дверь, вышла в коридор. Никого. Это было даже странно, словно что-то или кто-то спугнул Валерку, и он сбежал отсюда. Недолго думая, она зашла на кухню и поняла, что её догадка верна. Нож, который она только что держала в руках, лежал на столе и, взяв его в руки, Наташа решила драться до конца. Двинувшись к двери, она повернула ручку замка и поняла, что на этом чудеса закончились, она была снова заперта, но ей нужно было уйти, во что бы то ни стало.

Лихорадочно думая, как открыть дверь, она вспомнила, что отец как-то разбирает замок, и его инструменты лежат в кладовой. Быстро вернувшись туда и включив свет, она посмотрела на полки. Найдя отвёртку, она прихватила молоток, который тут же выпал из её покалеченных рук, Наташа чуть было не заплакала от обиды и оставила его лежать на полу, понимая, что не в силах удержать его в руках. Её удивило, что сейчас её мозг работал куда лучше, голова не кружилась, может оттого, что все внутренние силы мобилизовались для того, чтобы вырваться из этого ада.

Она начала разбирать замок и в напряжении не услышала, что в двери повернулся ключ. Упав сшибленная открывающейся дверью, она увидела Валерку, который, озираясь, хотел войти в квартиру. Только не дать ему позволить снова закрыть дверь и продолжать мучить её, пронеслось в мыслях. Сжав в обеих руках отвёртку, она вскочила на ноги и ринулась на маньяка. Валерка, округлив глаза, отскочил и выбил инструмент из её рук. Наташа кинулась на него снова и яростно начала пробиваться к выходу. Он ударил её, но немного смазал, и удар пришёлся в плечо. Схватив за волосы, он попытался затащить Наташу обратно в коридор, явно ошарашенный таким отчаянным сопротивлением. Девушка понимала, если она снова проигрывает, следующим ходом в этой жестокой игре станет её смерть. Мучитель просто убьёт её! Она хотела жить, она не спешила прощаться с жизнью, умирать на глазах маньяка, поэтому теперь она стала похожа на раненного зверя. Ведь даже на краю пропасти смерти животное может быть опасным.

Ударив его коленом в пах, она заставила Валерку завывать от боли и разжать тиски. Она как будто не чувствовала боли и, вырвавшись, бросилась к выходу. Он снова бросился в её сторону и успел полоснуть ножом по ногам. Наташа вскрикнула от жгучей боли, которая заставила её задохнуться и упасть. Несмотря на это, она вновь вскочила и бросилась вниз, стараясь не скатиться с лестницы.

Морозный воздух обжигал лёгкие, она вдыхала полной грудью его, не ощущая холода, ведь на ней был только короткий халат. Снег обжигал ступни, но от этого было легче, может потому, что так Наташа чувствовала меньше боли от порезов на ногах.

Наташа бежала, не думая куда, ей хотелось только одного, поскорее скрыться от этого места. Пробежав несколько домов, она остановилась и, наконец, почувствовала, как холодно вокруг, больше всего, что её поразило это холодность и чёрствость людей проходивших мимо. Никому не было до неё дела. Одни отворачивались, словно не замечая, другие с любопыт-

ством зевак смотрели вслед, и так же проходили мимо, как только встречались с отрешённым взглядом беглянки. Наташа почувствовала, как начали дрожать ноги, её всю трясло, и она не в состоянии была больше идти, да и идти ей было некуда.

Она вспомнила Азизу и Сергея, и не могла представить, как добраться к ним, перед глазами опять поплыл туман. Покачиваясь, Наташа сделала несколько шагов и упала в снег, раскинув руки. Одна женщина, проходившая мимо, крикнула прохожему мужчине, что нужно вызвать милицию, на что тот пожал плечами и направился дальше. Женщина подбежала к Наташе и, тронув за плечо, услышала, как та что-то тихо простонала.

– погоди, милая, я сейчас,– сказала незнакомка.– Давай, я помогу тебе встать, пойдём ко мне...

– Помогите,– Наташа попыталась встать, но тут же рухнула на спину в снег,– я... не могу... больно... так холодно...– женщина, беспомощно посмотрев по сторонам, стянула с головы платок и укрыла им Наташу.

– Потерпи, деточка, я сейчас сбегаю домой, вызову «скорую», продержись немного,– она бросилась к своему дому и скрылась за поворотом.

Наташа чувствовала, как тысячи иголок покрыли всё тело, она попыталась подняться, но, вскрикнув от боли, снова упала в снег, который покрылся багровыми пятнами, теперь она поняла, что ей не выбраться отсюда, вся надежда на незнакомку, отдавшую ей свою шаль. Холод сковывал тело ледяным дыханием, так хотелось спать. Она не позволяла себе закрыть глаза, но сдалась, погружаясь во мглу.

Очнувшись от прикосновения чьих-то рук, словно в тумане ледяного сна, который до сих пор не желал отпускать её, она поняла, что какой-то мужчина нёс её на руках. Наверное, та женщина всё-таки вызвала врачей, подумала про себя Наташа и закрыла глаза. Её аккуратно положили на заднее сидения автомобиля на сложенное покрывало, здесь было тепло и пахло мужским одеколоном и сигаретами. Наташа слышала, как завёлся двигатель, и машина тронулась вперёд. Приглушенные голоса мужчин, негромкая музыка – это успокаивало и обволакивало, словно тёплым одеялом.

3

– Ничего не понимаю,– пожилая женщина, с волосами, уложенными в высокую причёску, развела руками,– она только что была здесь.

– М-да,– покачал головой врач скорой помощи,– то, что здесь лежал раненный человек, сомнения нет... вы говорите, девушка не могла встать?

– Что вы, молодой человек, она была раздета, только коротенький халатик, бедняжка, она словно сбежала откуда-то, в чём была.

– Вы позвонили в милицию?

– Да, а вот вы раньше приехали, а... девушки и нет... может, её кто-то нашёл?

– Надеюсь не те, от кого она сбежала,– как-то горько усмехнувшись заметил водитель скорой помощи.

– Ну, знаете ли,– возмутилась женщина,– вот у вас есть дети? Этой девочке не больше восемнадцати, такая ещё молоденькая.

Водитель осёкся и, вытащив сигареты, закурил. Вскоре подъехала милицейская машина, и женщина быстро направилась к ним. Когда она всё рассказала, два милиционера что-то записали и, взяв телефон свидетельницы, сели в машину.

4

Валерка лежал на полу, похожий на сломанную куклу. Из рта стекала кровавая пена, а под животом растекалась лужа мочи. Он приоткрыл глаза и, закрывая лицо руками, сжался в предчувствии нового удара. Они били его методично и долго, превратив, что было недавно лицом в кровавое месиво.

Потом потащили в комнату и, привязав его же собственным ремнём, ещё пару раз ударили.

– Ты что решил нам всё испортить? – спросил его высокий мужчина лет тридцати двух. Он смотрел на Валерку, в глазах которого уже не осталось и следа от недавней бравады. Он был не на много старше прижатого к стулу насильника с абсолютно лысой головой, а тёмные раскосые глаза, выдавали те самые триста лет татаро-монгольского ига.

– Геннадий Альбертович, я не хотел... понимаете, я только припугнуть...– он скорчился от удара под дых и захрипел.

– Хватит,– небрежно бросил Динаров, отвернувшись к окну,– если бы мы не успели, то она могла погибнуть, слишком многое было поставлено на карту, придурок!

– Что я могу для вас сделать?– заискивающе пролепетал Валерка.

– Ты и так тут напортачил, – зловеще усмехнулся Динаров,– теперь ты нам не нужен. Долг погашен, как и обещали, мать твоя не виновата, что у неё сын ублюдок,– Динаров с презрением глянул на Валерку,– так что с этим всё как договаривались, но ты испортил товар и тебе придётся ответить.

– Но я... я всё сделаю!– закричал Валерка и отчаянно пытался вырваться из спутывающего его ремня.

– Заткнись,– один из громил саданул его по сломанному носу, отчего Валерка всхлипнул и заплакал.

– Давайте, пацаны,– Динаров вытащил из кармана куртки носовой платок и, вытирая им лицо и руки, положил его в карман,– отрежьте ему яйца и пусть сожрёт их.

– Не-ет... Не на-аа-до, – взмолился Валерка.

– Короче, вы знаете что делать, с этим говнюком.

Один из братков, кивнул, склабясь и подмигивая Валерке. В последнюю минуту своей никчёмной жизни он, наконец, понял, что игры с боссом заканчиваются всегда в пользу хозяина колоды. Да и все козыри у него. Он думал, что игры с Наташей не приведут его к подобному концу. Он, а не она будет лежать на окровавленном матрасе нафаршированный свинцом.

– Уберите только потом за собой,– добавил Динаров,– надеюсь, к девяти управитесь.

– Ещё раньше, Геннадий Альбертович,– уверил второй мордovorот, с лицом не совсем обделённым интеллектом в отличие от коллеги по вправлению костей и мозгов.

– Вот и ладушки,– улыбнулся Динаров и направился к выходу. Он был в ужасном расположении духа и, быстро сбежав по ступенькам, направился к своему автомобилю.

Как хорошо, что мы нашли её первыми, подумал Гена, Аркадий Иосифович не должен ничего знать о том, что с его вещичкой произошло нечто подобное.

А квартирку этот извращенец успел подготовить, хорошо ещё, что старуха уехала, иначе пришлось бы обращаться к конторе чёрных маклеров. Усмехнувшись про себя, Динаров сел за руль и, повернув ключ в замке зажигания, повёл машину в сторону Известкового завода. Стало холодно и, включив печку, помощник Раскина связался с ним по телефону, который тоже обзавёлся новинкой привезённой из Москвы – мобильником.

– Тоха? Это Динар.

– Чёрт, не узнал тебя.

– Ещё не привыкну к этой трубке, ну в общих чертах, всё в ажуре, как и договаривались.

– Ясно,– протянул Раскин,– ты куда сейчас?

– На «Известь».

– Я дома, заезжай, у меня к тебе есть несколько вопросов... не по телефону.

– Хорошо, минут через двадцать буду,– ответил Динаров и отключил связь.

5

Её разбудил запах кофе. Прежде чем открыть глаза, Наташа почувствовала, что не одна в комнате. Потом она всё-таки сделала это, приоткрыла опухшие веки, всматриваясь в тёмный силуэт, обретающий очертания.

Наташа увидела у своей кровати поднос с чашкой кофе, но он предназначался не ей, а мужчине, который сидел напротив, на высоком стуле развёрнутом так, что сложенные руки незнакомца опирались на его спинку.

– Как ты себя чувствуешь?– ласково спросил мужчина. Голос у него приятный, бархатный. Наташа почувствовала растерянность, опуская глаза, видя, что одета в розовую сорочку на бретельках. Надёрнув на себя простыню, она ощутила, как во рту пересохло, а щеки вспыхнули огнём. Она совершенно не знала что сказать, и испуганно смотрела на незнакомца.

– Не волнуйся,– попытался успокоить её мужчина, дружелюбно улыбаясь. – Ты в безопасности. Мы с другом случайно увидели тебя и не могли проехать мимо. Как только ты придёшь в себя, то сможешь уехать домой, а если хочешь, сообщи нам телефон своих родителей или друзей...

– Не могу,– выдавила из себя Наташа, и в этот момент почувствовала себя настолько одинокой, словно никого нет несчастнее на белом свете, она закрыла лицо руками и заплакала.

– Ну-ну, не плачь, малышка. – Подойдя к кровати, он по-отечески обнял её,– хорошо ещё, что жива, осталась. Мой врач осмотрел тебя и нашёл твоё состояние...– он покачал головой, – мягко сказать плохим. Если хочешь, я могу пригласить психоаналитика, и он поможет тебе ...

– Нет,– покачала головой Наташа, немного успокоившись,– я не хочу ни о чём говорить. Самое лучшее сейчас было бы вернуться домой, но... многое случилось, и я не могу вернуться туда. А друзья... никого не хочу видеть, не хочу, чтобы меня опять жалели, не хочу нагружать их своими проблемами.

– Понимаю,– согласился мужчина и, представившись, спросил, как её зовут.

– Наташа.

– Ты очень красивая, Наташа, и я сделаю всё возможное, чтобы вернуть тебя к нормальной жизни. Я частенько помогаю людям. Главное ты будешь жить, и можешь на меня положиться.

– Но так не бывает,– заметила Наташа, склонив голову на бок и недоверчиво глядя на своего спасителя.

– Случается, но редко,– в тон ей ответил Антон,– может, же такое произойти, что ты мне просто понравилась, поэтому, я не отвёз тебя в больницу, а решил вызвать к себе лучшего доктора нашего города.

– Не-а,– снова покачала головой Наташа.

– Успокойся, как только тебе станет лучше, можешь возвращаться домой... но,– осёкся он,– ты же сама сказала, что у тебя нет дома и всё прочее...

– У меня есть друг, но я не хочу его расстраивать и сообщать о том, что случилось.

– Может быть, я поговорю с ним,– предложил он, отчего Наташа категорически отказалась.

– То, что мы просто друзья до него никак не может дойти. Именно поэтому пока не хочу, чтобы он узнал о случившемся. Не хочу быть ему обязанной.

– Ладно, скажи мне хотя бы как найти его?– попросил вновь Антон, на что Наташа, улыbnувшись, согласилась, она ещё и не подозревала, в какую попала западню и что этот приятный мужчина редкостная сволочь, имеющий в запасе сотни лиц-масок на самые разные случаи. – А теперь тебе нужен отдых, милая, через час приедет доктор, осмотрит тебя и возможно сделает кое-какие анализы. У тебя, знаешь ли, сотрясение мозга, может, придётся съездить на рентген, но ты не волнуйся, я позабочусь о тебе. Ты можешь спросить, зачем мне всё это? Отвечу, не стану скрывать, я не могу пройти мимо обездоленного, несчастного, тем более человека стоящего на волосок от гибели, такой уж я. Хотя ты можешь подумать, вот тип, так любящий расхваливать себя, просто пытаюсь объяснить тебе, вот и всё. У меня крупный бизнес, в своё время я не завёл семью, может быть, поэтому и занимаюсь теперь благотворительностью, и как могу, навожу порядок в этом городе. Только одно,– он сделал паузу, и Наташа не заметила, какое жёсткое выражение промелькнуло на его лице. – Врач мне сообщил, что тебя изнасиловали... поэтому я решил всё это дело решить по справедливости. Тот человек уже получил по заслугам. Надеюсь, это не расстроило тебя?

Наташа от удивления округлила глаза.

– Но как... как вы узнали? – она не понимала, что происходит, как такое могло быть,– значит, я смогу вернуться домой?!

– Возможно,– пожал плечами Антон,– только, если позволишь немного позже.

– А это точно, Валерка как вы сказали, наказан?– вместо ответа Антон только мрачно кивнул, и Наташа не заметила холодной радости в его глазах, так она была очарована своим спасителем. Он немного помолчал и добавил, что ей необходим покой.

– А когда уходить, решишь сама, время покажет. Теперь отдыхай, через пять минут к тебе придёт медсестра Лена, она сделает тебе пару уколов и поставит капельницу, а потом тебе необходимо немного поспать.

Когда за ним закрылась дверь, Наташа пребывала в какой-то эйфории. Какой мужчина подумала она, я ещё не встречала таких. Вот так просто помочь человеку, из-за того, что ему просто невыносимо видеть, когда человек на волосок от гибели. Наташа почувствовала, как по телу пробежала тёплая волна. Она вспомнила приятный запах его одеколона и, улыbnувшись, потянулась, но тут же поморщилась от боли в боку. На неё мгновенно нахлынули воспоминания недавних дней, когда её мучитель наслаждался своей властью и пытался сломать её, но по какой-то иронии судьбы у него это не вышло. «Тот человек уже получил по заслугам», – прозвучало у неё в голове, –«получил по заслугам, получил по заслугам». Но как он узнал, может быть, я в бреду что-то говорила, подумала Наташа и, согласившись с собой, решила, что с ней произошло – судьба и Антон, её спаситель.

Она вздрогнула от ласкового прикосновения и, открыв глаза, увидела молодую женщину в белой униформе. Она, улыbnувшись, назвалась Леной и, спросив, как её зовут, приготовила инструменты.

– Я тебе сделаю успокаивающий укол и поставлю витаминную капельницу. Антон Александрович очень беспокоится о тебе.

– А вы давно его знаете?– немного приподнявшись на локтях, спросила Наташа. Пышно-грудая, похожая на ангела сестра милосердия вызывала доверие, хотя и была похожа на медсестру из гламурных фильмов. Однако у неё были, по мнению Натальи, добрые понимающие глаза и чуткие руки. Лена быстро сделав укол, поставила девушке капельницу и погладила по волосам, с сочувствием посмотрев в глаза пациентки.

– Да,– кивнула она, присаживаясь на край кровати,– если позволишь, я пододвинусь поближе, и давай перейдём на «ты».

– Я попробую,– слабо улыбнулась Наташа.

– Антон Александрович много лет назад потерял семью, и если ты действительно хочешь не расстраивать его, не задавай вопросов о прошлой жизни. У него была семья, красавица жена и ребёнок. А его жену звали...– Лена немного помолчала, а потом тихо добавила, – её звали Наталья.

От этого откровения у Наташи похолодели руки, и язык прилип к нёбу. Ничего себе совпадение, подумала она.

– И это ещё не всё,– почти шёпотом сообщила Лена,– я тебе принесу её фотографию. Сама поймёшь.

– Только не говори, что мы похожи,– совсем поразила Наташа,– такое бывает только в кино.

– Когда тебя принесли израненную, всю в крови, и я увидела тебя, у меня мороз по коже пробежал, ты мне напомнила бывшую хозяйку этого дома.

У Наташи сердце замерло в груди и она, покачав головой, спросила.

– Как ты думаешь, Антон, заметил это сходство?

– Вне всякого сомнения. Поэтому он так заботится о тебе.

– Тогда всё понятно, но... можно мне позвонить, а то меня все потеряли.

– Ты мне продиктуй телефоны, по которым нужно позвонить и с кем связаться, а я передам их Антону Александровичу

Она быстро сказала номер Азизы и Мадины Магометовны, почти неделю Наташа не появлялась ни на работе, ни в техникуме, а заодно и номер Сергея. Елена, быстро записав, положила записную книжку в карман и, пощупав лоб Наташи, удовлетворённо кивнула.

– Ну, я пошла, а ты отдыхай. Позже принесу обед, тогда обо всём и поговорим.

Наташа была рада, что Елена такая понимающая и, оставшись наедине со своими мыслями, закрыла глаза. Впервые за эти последние дни она ощущала себя защищённой и верила, что теперь в её жизнь обязательно всё наладится. Заснула, подчиняясь накатившей на неё

дрёме. Наташа провалилась в сон, поддавшись истощённому организму, который нуждался в отдыхе, а как говорится сон лучшее лекарство.

Спала она долго, без сновидений и, проснувшись, ощутила лёгкость в теле. Лабиринт из снов с кровавыми реками не возвращался, и Наташа приняла это как знак свыше. Она не верила в вещие сны, но теперь думала, что сон пришёл к ней не просто так. Он стал предупреждением, которого она не поняла.

Хотя многое осталось непонятным, Наташа решила не думать об этом и поскорее забыть всё плохое, что с ней случилось. Она поднялась с постели и, прихрамывая, подошла к окну. На улице чудесная морозная погода. Чистое голубое небо, словно глаза младенца смотрело на неё, яркое и безоблачное; белый пушистый снег и тихое безмолвие зимнего леса. Они навевали только приятные мысли.

Наташа поняла, что дом Антона находится где-то за городом, и это место ей было незнакомо. Вдруг так захотелось открыть окно и вдохнуть полными лёгкими зимнего полдня с золотыми лучами солнца, в которых носились искорки. Поёжившись от холода, ощутить, что она жива, по-настоящему жива.

Толкнув дверную раму, она распахнула двери балкона и вышла наружу, ступая по хрустящему снегу. Скорее дыхание, чем дуновение ветра встрепало длинные волосы, и они рассыпались густой волной по плечам. Наклонившись, Наташа взяла в ладони ледяные пушинки снега и, скатав в руках рассыпчатый снежок, бросила вниз. Ей хотелось смеяться, петь и танцевать от бесконечного счастья и сознания того, что чудеса случаются, и теперь у неё будет другая жизнь.

Прошло чуть больше недели. Каждый раз к Наташе приходила Елена, приносила еду, делала уколы, и всякий раз Наташа всё больше убеждалась в заботливости хозяина дома. Однако сам он не появлялся, что несколько удивляло нечаянную гостью загородного особняка.

Она ловила себя на мысли, что начала скучать по нему, отодвинув все плохие мысли и воспоминания на задний план.

К обеду Лена принесла куриный бульон с яйцом, картофельное пюре с паровой котлетой и салат из свежих овощей. Наташа снова начала расспрашивать её о хозяине дома.

– Антон Александрович сказал, что тебе необходима лёгкая пища,– улыбнулась Лена, словно не слыша вопроса Наташи. – Потом я тебе сделаю укол...

– Погоди,– замотала головой Наташа,– не хочу спать, я только проснулась, а ты меня опять укладываешь.

– Но так нужно, деточка, – мягко, но настойчиво произнесла Елена,– ещё несколько дней потерпи, потом тебе самой станет легче. А пока ешь, давай.

– А что Антон? Он спрашивал обо мне?– улыбаясь, спросила Наташа. Лена уклончиво отвела глаза и, налив в чашку чай спросила:

– Тебе с лимоном?

– Ага, с лимоном. Но ты не ответила?

– Он ни о чем не говорит с прислугой.

– Но сегодня утром мне показалось, что... всё не так, сейчас ты заставляешь меня думать о чём-то плохом, Лена, я ничего не понимаю. Он созвонился с моими друзьями?

– Думаю, он сам тебе всё скажет. Ты поела? – она была чем-то озабоченна, и Наташа заметила, как похолодели её пальцы, но не отважилась спросить, что случилось. Она решила не допытываться медсестру вопросами, а как можно быстрее поесть и приступить к чаю. Всё возможно, что у неё проблемы дома, и она не хотела рассказывать Наташе о своей личной жизни.

– Знаешь, так хочется булочки с маслом и сыром или шоколад, принесёшь потом?

– Конечно, – тепло улыбнулась Елена, стараясь придать улыбке, как можно более непринуждённое выражение, и Наташа, приняв всё за чистую монету, поблагодарила сиделку за заботу.

– Передай Антону, что я хочу поговорить с ним, – серьёзно добавила Наташа, – я же здесь не в заточении?

– Нет, конечно, – покачала головой Елена и, поставив поднос с пустыми тарелками на столик, незаметно подложила под настольные часы сложенный в несколько раз листок бумаги. – Давай, я сделаю тебе укол, а то мне пора... ребёнок заболел, наверное, меня сменит кто-то другой.

– Прости, – Наташа нежно погладила её по руке, – а то думаю, что с тобой, а тут вон что. Ладно, делай укол, и беги домой.

Наташа улеглась на кровать и закатала рукав халата. Холодная игла медленно вошла в вену, и Наташа почувствовала во рту привкус какого-то лекарства, перед глазами поплыло, последнее, что она помнила, это то, как рука Лены, что-то всунула в карман её халата. Всё завертелось и закружилось, словно на дьявольской карусели, Наташа с бешеной скоростью неслась куда-то, то вверх, то вниз, пока мир не растаял в кромешной тьме.

6

Она не могла больше молчать, ей не хотелось обманывать девушку.

Написав записку, Елена решила помочь ей, но теперь пришлось самой спасти себя. Антон не прощал измен. Быстро собрав вещи, она села на кровать и, обхватив голову руками, заставила себя не заплакать. Никто не должен, ни о чём догадаться, она обязана срочно уехать, вот и телеграмма от брата из Ярцево, всё как нельзя продуманно. Лена вытерла набежавшие слёзы и решительно двинулась к выходу. Вещей у неё оказалось немного, и поэтому никто из охраны не спросил, куда она направляется.

Динаров остановил её уже около ворот, когда она садилась в машину. Он появился внезапно, и казалось, догадался о причине её внезапного отъезда.

– Ленка, а ты куда собралась?– спросил он, склонив голову на бок, – Антон Александрович знает об этом?

– Мм, Геннадий Альбертович... у меня тут вот... телеграмма,– она быстро вытащила из кармана липовую телеграмму, и Динаров, быстро пробежав глазами по ней, подозрительно посмотрел на неё.– Что-то не так?– непонимающе спросила Лена. В её голосе он уловил страх, так обычно бывает с теми, кого он лично допрашивал. Те кто предавал хозяина и хотел легко улизнуть, сделав дело вели себя именно так.

– Ничего, Леночка,– вкрадчиво улыбнулся он,– я понимаю, семья, это самое главное, что есть у нас. Важно не забывать о тех, кто помог тебе, и кто обогрел и накормил в час отчаянья. Особенно, это касается того случая, когда все отвернулись от тебя.

– О чём вы, я не совсем понимаю,– побледнела Лена, тем самым окончательно убеждая Динарова в том, что его подозрения не лишены почвы.

– Да я о семье, о чём же ещё?– он похлопал её по плечу и, кивнув на её автомобиль, спросил,– может довезти тебя, мне как раз в Красноярск, минут через пятнадцать, только шефу передам кое-что и поедем.

– Спасибо Геннадий Альбертович, но я сама,– улыбнулась Лена.

– Хорошо подумала? – как бы шутя, спросил он. Лена поняла, что он обо всём догадался и теперь, если она не скроется, не миновать беды.

– До встречи, Геннадий Альбертович.

– До встречи.

Она быстро прыгнула в машину и, подъехав к шлагбауму, беспрепятственно покинула владения Раскина. Немного отъехав от особняка, Лена прибавила газу, и машина помчалась в сторону Красноярска. Сердце подпрыгивало и, глядя в зеркало заднего вида, она была готова в любой момент увидеть летящий за ней тёмно-синий, почти, что чёрный автомобиль Раскина или Динарова. Немного погодя, она успокоилась и решила, что ничего такого не сделала, предупредив Наташу о том, что за человек Антон Раскин и какие у него на счёт неё планы.

Вернувшись в город, Елена почувствовала себя уверенней и, подрулив к своему дому, заглушила двигатель. Вокруг ничего не говорило об опасности, и Лена почти, что, спокойно выдохнув, направилась к подъезду.

Грязные исписанные стены, от которых она почти что отвыкла, резкий неприятный запах, всё это словно напоминание о сладкой жизни в доме Раскина. Она знала, что пути назад нет, как и времени на раздумья, поэтому, быстро поднявшись на четвёртый этаж, открыла дверь квартиры и решительно шагнула в холодное бытие своего настоящего.

Забрав только самое ценное, она хотела позвонить старенькой маме, которая ничего не знала о делах дочери. В последний момент передумала, что-то ей подсказало, что этого не стоит делать. Глянула на часы, вызвала такси в полной уверенности, что всё идёт по плану и никто, ни о чём не догадается. Выйдя в подъезд, Елена направилась к выходу, убедившись, что

вокруг всё тихо, она решила постоять немного и собраться с мыслями, как вскоре услышала сигнал водителя такси.

Отчего-то Елена была уверена, что её не станут искать и, наверняка, это бегство и страхи напрасны. Назвав водителю адрес, она приготовилась к долгой дороге по заснеженному шоссе.

В Ярцево жила её сестра, с которой временно проживал двадцатилетний сын Лены – Ярослав. Она вспомнила о нескольких годах ада в своей жизни, когда Ярик стал наркоманом, столько всего прошло с тех пор. Лена почувствовала, что не должна была так поступать, ведь Раскин вернул ей жизнь и сына. Однако какой ценой, теперь ей казалась, она была слишком высока, и женщина знала, что увязла по уши в делах Антона. Он не простит ей это бегство, но больше так жить она не могла. Не хотела всем лгать и месяцами не видеть сына, а только изредка с ним общаться по телефону.

Елена была врачом-хирургом, и однажды совсем отчаявшись, видя корчившегося в ломке сына, вынесла ему из больницы, сильно действующие лекарства. Она знала, что все ампулы подсчитываются, и что ей придётся отвечать, именно тогда в её жизни и появился Раскин. Он помог ей избежать суда, и организовал всё для лечения сына, но ценой за это стала её жизнь. К ней привозили раненых с бандитских разборок. Кто бы знал, сколько она вытащила пуль и зашила ран, словно побывавшая на войне. Только война эта была не за Родину и не во имя чего-то светлого, и Лена понимала, что балансирует на остром лезвии ножа, вне закона. Перед ней проходили десятки искалеченных девушек – проституток, наркоманок. Она не хотела для этой милой Наташи повторения судьбы многих девчонок, втянутых в грязный бизнес Тэлля. Она итак пострадала от слишком усердного Валерки, которому заплатили за то, чтобы она ушла из дома и не смогла больше вернуться туда. Всю дорогу она размышляла, что теперь ей и сыну нужно уехать, чтобы никто не смог найти их. Словно уговаривая себя, Елена верила, что это возможно и в то же время была уверена, что избежать расправы Раскина и тем более Тэлля невозможно.

Она была всего лишь винтиком в огромном механизме криминальной машины, и в любой момент её мог сменить другой врач, готовый сотрудничать с шакалами Раскина. Лена переёрнулась, в какой-то момент она ощутила себя такой же прогнившей насквозь и грязной, как всё, к чему прикасались зловонные щупальца преступной организации Тэлля. Перед глазами пронеслось всё, что она ненавидела и что было рядом с ней все эти пять лет.

До Ярцево почти тысяча километров, Лена уснула вымотанная и уставшая, свернувшись на заднем сидении. Она знала, что всего лишь марионетка в умелых руках кукольника и что такая судьба ждала всех, кто поверил кукловоду и позволил повязать себя по рукам и ногам круговой порукой.

глава 2

Бабочка в паутине

*Мотылёк, мотылёк не лети на свет,
Обожжешь ты крылья, мой тебе совет,
Вместо тёплой лампы там горит огонь,
Вместо наслажденья будет только боль.*

1

Её разбудило нежное прикосновение, Наташа открыла глаза и увидела перед собой его глаза – голубые и немного застенчивые, от взгляда которых, она улыбнулась, удержав в своих пальцах его ладонь.

– Антон,– Наташа прижала его руку к своей щеке,– я так благодарна вам, вы просто не представляете, что вы сделали для меня...

Он жестом остановил поток её благодарных слов и тихо заговорил сам.

– Всё это уже не важно, я знаю, что Лена многое рассказала тебе.

Наташа не уловила в его голосе раздражённые нотки, она не видела и не слышала всего, что могла бы понять и так. В душе всё перевернулось, и единственным желанием стало сжимать его руку и видеть сидящим на краю её кровати рядом с ней.

– Лена не должна была чего-то говорить?– растерянно спросила Наташа, чувствуя, что он не хотел, чтобы подробности его личной жизни она узнала от своей сиделки.– Я понимаю,– Наташа отвела глаза,– но она хотела как лучше. Лена мне всё рассказала о том... что вы потеряли жену...

Антон облегчённо вздохнул, значит, девчонка ничего не успела прочесть из той паршивой записки, что оставила эта стерва. Значит всё шло по старому плану и это хорошо.

– Будьте искренни со мной, вам станет легче,– Наташа, привстав в постели, посмотрела в упор на него,– никому не нравятся все эти тайны, и если хотите, я тоже всё расскажу о себе... потому, что теперь нет смысла что-либо скрывать.

Она смотрела на него, медленно переводя глаза на его губы, и чувствовала, как сердце замерло, а потом начало биться чаще. Сама того, не желая, она выпустила его руку из ладоней и, закрыв глаза, опустилась на подушку. Краска прилила к щекам, и Наташа закрыла лицо руками, пытаясь спрятаться от желания, которое и так было написано на её лице, от всепоглощающей страсти, внезапно нахлынувшей как цунами.

Сейчас она почувствовала себя так, словно оказалась голой посреди городской площади 300-летия Красноярска. Сквозь пальцы, она увидела, как Антон встал и, попытавшись уйти, передумал, и направился к окну. Наташа, убрав руки с лица, посмотрела на него и решила, что больше не станет так себя вести. Я не должна была, не должна, но почему он не уходит, чего он ждёт, я не имею права спрашивать.

Антон повернулся к ней, и она увидела в его глазах блеснувшие слёзы, теперь он казался ей настоящим с глубокой и ранимой душой. Наташа, преодолевая боль, поднялась на ноги и, протянув к нему руку, попыталась подойти ближе, но, запнувшись, упала на мягкий ковёр. Он подбежал к ней и, нежно беря на руки, прижал к груди. От его прикосновения в теле девушки всё запылало, ей хотелось лишь одного, прижаться к Антону и почувствовать вкус его губ. Казалось, он тоже хочет этого, но вместо ожидаемого, Наташа оказалась на своей кровати, а он не проронил ни слова, накрывая её простыней.

– Тебе нельзя вставать, хотя доктор сказал, что ты на удивление быстро идёшь на поправку,– сказал Антон, направляясь к выходу.– От уродливых шрамов не осталось и следа, ещё несколько дней таким темпом, и ты будешь совершенно здоровой.

– Да, я сама понимаю, это странно,– согласилась она, бросая взгляд на руку, где недавно был некрасивый шрам от порезов, теперь от него остался только маленький белый шрамик. – На мне обычно быстро всё заживает.

Он немного задержался у двери, но потом быстро открыл её и вышел, оставив Наташу в одиночестве снова.

Она, улыбаясь, зажмурила глаза и с благоговением вспомнила руки Антона, как он легко поднял её. Неужели это и есть любовь, подумала Наташа, ничего подобного она не испытывала к Сергею, когда по телу разливается приятная истома и хочется смеяться и плакать от счастья, что он рядом, чувствовать запах его тела и аромат одеколона, которым до сих пор пахли её пальцы.

Лучше бы она прочитала записку Елены, прежде чем делать поспешные выводы. Может быть, тогда, Наташа сумела хотя бы спасти своё сердце от предстоящих терзаний. Одно не прочтённое письмо лежало под настольной лампой, и ждало своего часа

2

Елена была уверена, что ищейки Раскина не отыщут её. Она недооценивала людей Телля и верных псов Антона способных вытащить, если понадобится человека из-под земли живым или мёртвым.

Сестра Лены жила в старой «хрущёвке» на окраине городка и мало с кем общалась. Ярик подружился с местными ребятами, и уже почти что поверил, что страшное прошлое осталось далеко позади. Это была его тайна, и он никому не говорил о том, что было с ним, и как он изменился с тех пор. Он работал на котельной, куда его устроила Ирина, сестра матери и, полностью отдавшись работе, считал, что, наконец, стал другим человеком. Только теперь он осознал, что стоило матери возвращение его к жизни и, обняв её, крепко сжал в объятиях. Ярослав очень соскучился и, увидев большую сумку с вещами, понял, мама вернулась на этот раз навсегда.

– Мама, ну что ты плачешь,– он ласково обнял её,– пойдём, сейчас всё расскажешь. Тётя Ира ещё не пришла с ночной смены, всё так неожиданно.

– Я никому не говорила, что еду сюда,– растерянно ответила Елена.– Может быть, нам придётся уехать... только не знаю куда.

– Что случилось?– серьёзно спросил Ярослав,– ты словно бежишь откуда-то или от кого? Раскин, он... У тебя из-за него проблемы?

– Нет, что ты,– горько улыбнулась Елена, думая, может, он и не узнает ничего, но это вряд ли, просто женщина устала, очень устала и возможно, спасла хоть одну жизнь... Она вспомнила Наташу, и на душе заскреблись кошки.

– Ты такая измученная, на тебе лица нет.

– Ярик, миленький, я не могла больше... оставаться там,– она заплакала и её лицо покрылось красными пятнами, Лена выдохнула закрывая лицо руками с трудом сдерживаясь.

Ярослав понял, что происходит что-то странное и нехорошее. Он боялся за мать, и от этих мыслей по спине пробежали мурашки. В какой-то момент вдруг осознал, что именно он виноват в происходящем, из-за него мать стала воровать морфин из больницы и чуть не попала в тюрьму, из-за него она связалась с Тэллем и Раскиным и стала участвовать в их тёмных

делах. Он догадывался, в чём она могла помогать им. После развала Союза, страну охватили криминальные войны и бандитский передел собирал кровавую жатву. Мама была первоклассным хирургом, и именно он стал причиной, по которой ей, пришлось работать с Раскиным, разгребая срубленные колосья, окропленные собственной кровью или убитых врагов.

– Мама я понял, я всё понял, только не плачь,– он поднёс к губам женщины стакан с водой,– хочешь, я не буду ждать тётю Иру, мы уедем прямо сейчас.

– Куда?– Елена продолжала плакать все эти часы напряжения дали о себе знать,– я не для этого приехала сюда, Ярик, я приехала предупредить тебя... это ты уедешь. Я останусь, потому что ты не виноват, нет... это только моя вина, всё эти наркотики, всё... Я должна была тебя оградить от этого, но я не смогла...

– Мама...

– Я должна была больше уделять тебе времени, а я все работала и работала, как проклятая... поэтому только я в ответе за всё.

Ярослав обнял мать, чувствуя, как нервы накалились до предела, он поцеловал её в макушку и спросил, что же всё-таки произошло.

– Ты, что кого-то убила?

– Нет,– рассмеялась Елена, – я просто хотела предупредить, только и всего.

– Тогда почему ты боишься, от чего ты бежишь?

– Я сбежала, придумала, что-то о телеграмме, а Антон не выносит ложь, я так устала от всего этого, что просто удрала, а теперь... теперь не знаю, что мне делать.

Ярослав решил, что ещё ничего не случилось ужасного и ехать им, по сути, некуда, только если в тайгу, совсем скрыться от глаз людских.

Когда вернулась Ирина, она была обрадована приезду сестры и, выслушав её, сказала, что есть место, но только туда нужно добираться по реке.

– Машины туда не ходят, дороги-то нет, а по реке сейчас лесом можно пройти, только мне думается, что ты слишком взбудоражила всех, с чего ты взяла, что тебя могут искать, тоже мне, покровитель мафиозных секретов. А если всё действительно так серьёзно, я бы советовала уезжать прямо сейчас.

Елена на минуту задумалась, глянула на сына, потом на сестру и решительно встав из-за стола, направилась в комнату Ярослава.

– Мама, что ты придумала?!– Ярослав, покачив головой, попытался её остановить,– тётя Ир, вы же видите в каком она состоянии.

– Я говорю дело, а всё из-за тебя, прости уж, но что, правда, то, правда.

– Я знаю,– как-то потерянно пробормотал Ярик, и в его голосе Ирина услышала отчаянье, однако больше ничего не стала говорить.

В комнату вошла Елена, держа в руках пакет с деньгами.

– Вот, этого хватит, чтобы мы могли надёжно укрыться.

– Теперь я понимаю, что у тебя действительно большие проблемы,– округлила глаза Ирина,– не нравится мне всё это... я таких деньжищ с роду не видела и... это что доллары?

Вместо ответа Елена, кивнув, бросила деньги на стол.

– У меня нет сил и времени всё объяснять, Ира, мне нужно сделать несколько звонков, тебе я оставлю часть денег, а завтра мы с Яриком уедем отсюда.

Елена достала записную книжку и, полистав её, нашла телефон человека, который действительно мог помочь им с сыном. На него единственного она и могла положиться. Попросила оставить её одну и, закрыв за собой дверь, подняла трубку телефона. Она понимала, что может подставить Журавлёва, но другого выхода нет, она должна была узнать о происходящем в доме Раскина, известно ли ему что-либо или нет.

Долго медлила, но вскоре решительно набрала номер Бориса. К телефону долго не подходили, и вскоре она услышала усталый голос Журавлева.

– Боря?

– Лена?

– Я разбудила тебя?– спохватилась она, на что он ответил отрицательно,– у меня большие проблемы, Боря, прошу, помощи...

– Лена, мы не можем говорить, я не могу,– пробормотал Борис и, положил трубку.

Ничего не понимающая Елена снова набрала его номер.

– Что происходит?!

– Я не могу говорить с тобой,– сдавленно пробормотал Журавлев,– не звони сюда...

– Но мне нужна твоя помощь, у меня проблемы!

– Лена, если ты сейчас же не положишь трубку, у тебя будут большие проблемы.

– Выслушай!– прокричала она в пустоту, но вместо ответа услышала лишь короткие гудки,– чёрт побери!– она бросила трубку и разочарованно покачала головой. – Даже он не смог говорить со мной, он, что боится шакалов Антона? Неужели и Борис с ними заодно. Так. Я должна успокоиться и взять себя в руки.

Лена пригладила растрёпанные волосы и глубоко вздохнув, задумалась. Завтра она решит, как жить дальше, а теперь спать.

Однако сон не шёл и, промучившись, до утра, она, наконец, уснула. Разбудил телефонный звонок. Она не сразу поняла кто это и, разлепив сонные глаза, потянулась к трубке. Дома никого не было, Ирина хотела утром уйти на рынок, а Ярослав... его то же не было в квартире.

– Алло, кто это?– она мигом проснулась, узнав голос Бориса.

– Прости, что вчера не смог поговорить с тобой,– его голос был более тёплым, чем вчера,– мой телефон прослушивается и боюсь, что тебя могли вычислить, ну почему ты никогда не слушаешься?

– Я не знаю, просто у меня никого нет, кому я могу полностью довериться, Борь, ты у меня один остался. Теперь мы можем спокойно говорить?

– Да, я в курсе, что ты сбежала и оставила памятную записку для своей пациентки. Не знаю что там, но Антон очень рассержен, я не смогу многого для тебя сделать, его люди следят за мной, а у меня сама понимаешь, семья, сын ... ты понимаешь?

– Да,– тяжело вздохнула Лена,– нам нужно скрыться, у меня есть деньги, просто ... скажи к кому я могу обратиться?

– Боюсь, все мои люди под колпаком, как и я, и тебе придётся самой выбираться из этой передраги, зачем же ты сбежала, Лена... Вчера в перестрелке был ранен младший сын Аркадия Иосифовича... а тебя не оказалось на месте.

– Артур?!

– Да. И Аркадий не простит тебе бегства, ты ещё могла помочь парню, они не нашли опытного хирурга, надеялись на тебя. А так... всё кончилось гибелью пацана, и Тэлль обещал лично принять участие в поисках тебя.

– Значит так суждено,– пробормотала Лена гробовым голосом и положила трубку. Борис больше не звонил, и она поняла, что это конец. Она рискнула отправить ему письмо, которое обещал передать лично в руки друг Ярослава, направляющийся в Красноярск, в котором женщина излила всё, что наболело на душе. Много лет они были вместе и, теперь понимая, что последняя ниточка разорвана, Елена впала в отчаянье, теперь ей оставалось только ждать, бежать, или полагаться на милость судьбы.

3

Прошло несколько недель, Наташа чувствовала, что совсем уже поправилась, ей хотелось начать новую жизнь, но Антон почему-то не давал шанса на сближение их отношений.

Она сидела у зеркала и расчёсывала длинные каштановые волосы. Сегодня Антон пригласил её на ужин, а что будет потом. Наташа взгляделась в своё отражение и почувствовала, как похолодели пальцы на руках, она прижала ладони к лицу и сделала усилие над собой, чтобы не заплакать. Они не говорили о чувствах. Гостья богатого дома знала наверняка, что симпатия

взаимна и не понимала, почему Антон не расставит всё по местам и не сделает шаг первым. Она видела его взгляд, ощущая его кожей. Когда он тихо входил в её комнату и долго смотрел на неё, думая, что она спит. В те минуты, Наташа боялась пошевелиться, и выдать себя. Она не хотела, чтобы он почувствовал себя неловко, и жалела, что он так робок в первых шагах для начала отношений.

Теперь, она сидит красивая в роскошном вечернем платье и ощущает себя золушкой на балу у прекрасного принца. Ей, вероятно, придётся уйти и может быть, она больше никогда не вернётся сюда. В этот вечер она будет прекрасной, как никогда. Приглашённый мастер сделал ей причёску, маникюр и макияж. Наташа была неотразима и сама не верила, что такое возможно. Она была так красиво одета и ухожена, как будто сошла с обложки глянцевого журнала.

До выхода осталось всего пять минут, она нервно ходила по комнате, постоянно поглядывая на себя зеркало и поправляя причёску. Подойдя к кровати и, погладив рукой мягкое покрывало, Наташа почувствовала, как внутри всё сжалось. Осталась пара минут и, направившись к туалетному столику, чтобы выключить настольную лампу, она увидела, что из-под светильника выглядывает краешек сложенной бумаги. Вытащив его, и развернув, она увидела нервно написанные неразборчивые строчки. Странно. Что это? Она только пыталась разобрать неровные строчки письма, как дверь открылась. На пороге стоял друг Антона, тот самый, что помог Антону, когда они нашли её и спасли.

– Пойдём, гости уже собрались,– улыбнулся Динаров,– что там у тебя?

– Письмо какое-то,– пожала плечами Наташа. Она хотела прочитать его, но Динаров снова окликнув её, быстро подошёл к ней и, взяв из её рук записку написанную Леной, положил в нагрудный карман пиджака,– это, для Антона Александровича, пойдём, времени осталось мало. А ты сегодня, будешь за хозяйку.

Наташа непонимающе подняла на него глаза и направилась вслед по лестнице в просторный зал.

Небольшой оркестр играл тихую музыку, лампы ярко сияли под потолком, освещая богато накрытый стол с белоснежной скатертью, играя на хрустальных гранях бокалов.

Антон встретил Наташу внизу лестницы и, улыбаясь, смотрел на неё. Он был доволен, тем как над ней поработали мастера, и не скрывал восхищения. Наташа заметила, с каким упоением он смотрит на неё. В её глазах он выглядел влюблённым и счастливым. Медленно спускаясь по ступеням, она разглядывала красивый зал и богатый стол и ощущала себя королевой в этом сказочном дворце.

Антон взял её за руку и, посмотрев в глаза, признался, что сражён её красотой, как мальчишка. Наташа смущённо опустила глаза и снова почувствовала, как зарделись щеки.

– Это всё только благодаря вам.

– Для такой красавицы, много не нужно,– улыбнулся он и добавил,– я боялся, что визажист может только всё испортить. Скоро придут гости, это очень важные люди, и ты обязательно понравишься им. После ужина тебя ждёт сюрприз, а пока я тебя оставлю, мне нужно поговорить с Генной, и через две минуты, я присоединюсь к тебе.

Он подошёл к окну, где ждал Динаров и, сведя брови, покачал головой.

– Как я устал от этой комедии, Ленку нашли?

– А как же, мы знаем, где она находится,– зловеще улыбнулся Динаров,– наша птичка чуть всё не испортила, вот, полюбуйся,– он протянул Антону письмо, которое оставила Лена в надежде, что Наташа прочтёт его раньше.

– Это хорошо, осталось немного, что там с квартирой?

– Половина записана на нашу фотомодель,– улыбаясь, кивнул в сторону Наташи Динаров.– Другая на Кляпина, от неё он уже отказался, остались небольшие мелочи.

– Хорошо, что с её матерью?

– Как уехала к матери Валерки, пьёт не просыхая, с ней своё дело сделает водка. Не думаю, что стоит опасаться её.

– Так, а что с Ленкой, какие планы?

– Ничего сверхъестественного,– зловеще усмехнулся Динаров,– я тут подумал, что если она отказалась от нашей помощи, пусть всё вернётся на круги своя. Её дело в прокуратуру, а к Ярику возвратится его самая большая любовь... героиновая Катя, помнишь?

– Такое не забывается, а она что ещё коптит небо?

– Услуга за услугу, как обычно бывает,– продолжил Динаров,– ей очень нужна работа.

– Да, у неё полный набор, СПИДа, наверное, только нет, хотя и это не факт.

– Тоха, у неё есть всё и для неё будет особая работа, с этой идеей я с тобой позже подеюсь, смотри, приехали ребята Чекалина... да вот и он сам с умопомрачительной Яной.

– Оба на,– присвистнул Раскин,– у неё, что уже пятый размер?

– Только из Берлина приехала, видишь, силиконом накачала всё что можно.

– Бедный Жора,– улыбнулся Раскин и быстро направился к Наташе, чтобы поприветствовать гостей и представить её, как свою новую пассию.

Чекалин пожал руку Раскину, и громко спросил, глядя на Наташу, что это за прелесть.

– Это Наташа, моя новая знакомая.

– Георгий,– по-гусарски чопорно кивнул головой матёрый бандит и представил ей свою любовницу Яну.

Предоставив женщинам время поближе познакомиться, мужчины отошли в сторону.

– Где ты нашёл этот лакомый кусочек? – жадно облизнулся Жора. – От неё прям свет, как будто, исходит!

– Эта прелесть дорогого стоит и поэтому, погоди с вопросами, – ответил ему Антон. К ним подошёл Динаров.

– Лады пацаны, а когда Сам будет? – уже серьёзно спросил Чекалин Гену, имея ввиду Тэлля. – А то у него такое несчастье...

– Надеюсь, наш сюрприз ему поднимет немного настроение.

Антон задумчиво посмотрел на Динарова, ведь, по сути, тот был виноват в бегстве хирурга. Его никто, не мог спасти, кроме Лены, времени было мало, и по дороге к другому врачу сын хозяина погиб. Тэлли в тот момент тихо проговорил, что она заплатит за всё сполна, и что тоже лишится своего отродья.

Через несколько минут подъехал Журавлёв с женой и старшим сыном, Антона радовало, что Борис отказал Елене, когда та просила его помощи и пыталась переманить на свою сторону.

Наташа, уже немного освоившись, продолжала радушно встречать гостей, провожая их в просторный зал, к шикарно накрытому столу. Встретив чету Журавлёвых, она столкнулась с напряжёнными глазами Бориса Германовича, и ей не понравился его странный бегающий взгляд. Приезд новых гостей отвлек от мыслей.

Журавлёв понял, что девушке ничего не известно о том, что ей предстоит стать игрушкой, пешкой на шахматной доске в решающей партии между Раскиным и Тэллем. Ему этот цирк казался мерзким и гадким. Елена всё рассказала в подробностях и просила о помощи, но из-за страха за свою семью, Борис решил уйти в сторону. В другой ситуации, он пошёл бы на всё, но не сейчас, когда за его плечами стояли близкие, бизнес и отлаженный механизм сотрудничества и с Тэллем и с Раскиным. Он не смог поступить иначе.

Борис прочитал письмо Елены, и его поразила беспринципность и наглость Антона, который из-за прихоти босса решил поломать жизнь ничего не подозревающей девушке. Она рассказала, что Тэлли не из тех людей, кто общается с девушками, как все, и если ему захочется, он, словно паук, плетёт свою паутину из интриг, совмещая приятное с полезным. У него было всё, и Наташа стала жертвой его маленького хобби, когда он использовал девушек, а потом выбрасывал как ненужную вещь. Антон всячески потакал ему, находя бедняжек из неблагополучных семей, а потом всё шло, как по намеченному плану, он заводил с понравившейся кандидатурой знакомство и уже сам решал, как поступить. Никто потом не интересовался, куда пропадают девушки, они просто бесследно исчезали, и об их судьбе никто не заботился.

Читая письмо Елены, Борис не до конца ещё понимал, что негласно участвует в грязных делах Тэлля, и теперь, когда на его руках было признание Елены, у него оставался выбор – решать, с кем он. Журавлёв сдался, опустив руки, и сделал вывод, что лучше не вмешиваться, иначе расклад будет далеко не в его пользу. Он сразу не хотел идти на этот вечер, тем более гибель сына Аркадия Иосифовича, да притом ещё это письмо Елены. Всё это всколыхнуло забытые чувства и напомнило ему о том, что он всего лишь винтик в огромном механизме преступной организации, в которую его незаметно засосало, в погоне за лёгкими деньгами и

надёжной защитой от мелкого рэкета и хулиганов. Ирина, его жена догадывалась, что за связи у главы их семейства, но старалась не вымешиваться в дела своего супруга. Как делали многие жёны, желающие спать более или менее спокойно.

Тэльль приехал последним, и когда Наталья поприветствовала его, суровый взгляд хозяина потеплел. Он оглядел девушку и, подозвав Антона, попросил представить его новую симпатию.

– Эта та самая девушка,– шепнул ему на ухо Динаров, и Тэльль, бросив взгляд на Наташу, понял, заказ выполнен.

Наташе всё это не очень понравилось, и она непонимающе посмотрела на Антона.

– Антоша, сынок,– он крепко пожал ему руку,– в последнее время только ты меня радуешь.

– Примите мои соболезнования, Аркадий Иосифович,– Раскин горячо обнял старика,– с вашим делом вышли небольшие заминки, но теперь всё улажено и виновные понесли наказание.

– Все?– недоверчиво спросил Тэльль, явно намекая на сбежавшую врачиху, из-за которой погиб его сын.

– Машина запущена и всё будет нормально,– Антон покосился на стоявшую рядом Наташу и невозмутимо продолжил,– об этом поговорим после ужина, а теперь прошу к столу.

Они вошли в зал, где собрались гости, которые, вставая, приветствовали Тэлля выражая тому соболезнования в смерти сына.

– Как ты себя чувствуешь?– заботливо спросил Антон Наташу,– тебя здесь может многое удивить, но это моя жизнь, и ты должна понимать... раз я тебя познакомил со всеми и ввёл в свой круг, то настроен решительно,– он улыбнулся уголком губ. – И пусть тебя не пугает, что ты увидишь или услышишь и поверь, я совсем не тороплю события.

– Я всё понимаю,– Наташа ласково провела рукой по его ладони,– мне только немного неуютно здесь, все разглядывают меня... и, если честно, мне страшновато.

– Это нормально, ты же очень похожа... на мою погибшую жену,– он опустил глаза и принялся за мясо.

– А-аа, точно, Антон, Лена мне рассказала об этом.

– Да?– он заметно побледнел,– о чём вы ещё с ней секретничали? – он старался выглядеть невозмутимым, но ему всё больше нравилась эта игра и влюблённые глаза Натальи.

– Да так, ни о чём таком,– пожав плечами, она отпила немного шампанского,– я хочу спросить об одном, вы уже всё решили за меня?

– В каком смысле?– он непонимающе посмотрел на неё.

– Вы мне очень нравитесь и всё... что вы для меня сделали я никогда не смогу забыть, но... Но прежде, чем представлять меня своим друзьям, как свою девушку, вы могли бы спросить меня...

– Я тебя ни к чему не принуждаю, Наташа,– он в упор глянул на неё,– я так поступил потому, что не мог иначе, это конечно эгоизм, но и ты должна меня понять. Столько времени прошло вдруг я встречаю тебя, всё так запутанно, спонтанно... Я себя ощущал каким-то принцем на белом коне, когда привёз тебя в свой дом. Всё случилось внезапно, что я и мысли не мог допустить, что ты просто уйдёшь, и сказка закончится. Давай поговорим позже, я должен тебе многое сказать, а здесь не совсем подходящее место.

Наташа помедлила с ответом, хотя чувствовала, как заколотилось сердце, и в душе разгорался пожар. Она смотрела на Антона и ощущала, как холод пробежал по ногам, а по спине мурашками пролетел какой-то неведомый ей страх.

– Боюсь, что сейчас я выгляжу глупо. – Её голос дрогнул, и она, продолжая сжимая ему руку, не отводила влюблённых глаз,– я вижу, что вы не простой человек, и боюсь того, что...

Он не дал ей договорить, и, воспользовавшись минутным замешательством, потянул за собой, увлекая из-за стола к лестнице. Казалось, никто не заметил их отсутствия, они вышли на улицу, где стоял приятный тёплый весенний вечер, пахло почками, и лёгкое дуновение ветерка играло в Наташиных волосах. Антон взял её за руки и, не говоря ни слова, впился в губы, уже уверенный в том, что она не оттолкнёт его. Его опасения были напрасными, Наташа обвила руками его шею и, закрыв глаза, податливо прижалась к нему, ощущая каждой клеткой тепло исходящее от его груди.

– Антон,– только и смогла выдохнуть она, чувствуя, как земля начинает уходить из-под ног. Он подхватил её на руки и снова, коснувшись губами, закружил в объятиях, чувствуя её сбившееся дыхание и трепетание сердца.

Ей никогда не было так хорошо, как теперь, Наташа, наконец, поняла, что такое целовать любимого человека, с ней это происходило впервые, и таких сильных чувств она ещё никогда не испытывала, была счастлива. У неё даже закружилась голова, и казалось, всё вокруг вращалось вокруг Антона и неё в каком-то фантастическом танце – деревья, луна, чуть прикрытая лёгкими облаками на вечернем небе, фонари, освещающие их лица и этот запах весны, будоражащий и пьянящий.

4

Из-за нерешительности Журавлёва, Лена, почти, что опустила руки. Она не знала куда ехать, и поэтому побег был отложен на несколько дней.

Было раннее утро, когда Ярослав возвращался с ночной смены. Он спешил домой и, поэтому, решил уехать, как можно скорее. Ему в голову пришла одна идея, которая могла по его словам спасти и его и мать. На работе он вымотался и хотел спать, последние события не давали ему покоя. Он переживал и хотел, как можно быстрее найти выход из свалившихся на их голову проблем. Уже подойдя к двери подъезда, он краем глаза заметил знакомый силуэт.

Ярик остановился и, повернувшись, увидел её, ту самую девочку, с которой они вместе пытались выбраться из порочного круга наркотической зависимости.

– Катя, как ты здесь оказалась?– удивлённо смотря на неё, он подошёл ближе и, ласково обняв, погладил девушку по коротко подстриженным волосам.

– Я долго искала тебя, Ярик,– улыбнулась она,– и ... вот нашла...

– Кто дал тебе адрес?– серьёзно спросил Ярослав и почувствовал, как липкий страх начал прокладывать себе дорожку. В животе вдруг сжалось и, опустившись с ней рядом на скамейку, он обхватил руками голову.– Зачем ты приехала, Катя, я так хотел забыть прошлое и всё... что было. Теперь я не тот, теперь всё по-другому. Понимаешь?

– Я приехала предупредить тебя – Она грустно посмотрела в сторону, скрывая набежавшие слёзы,– но если я не сделаю это, они убьют тебя... Ярик...– её голос сорвался, и она заплакала. Ярослав, непонимающе глянув на неё, схватил Катю за плечи и, больно сжав её, спросил, о чём она говорит.

– Я не хочу тебе делать больно. Зачем ты здесь? Я завязал с наркотой и никогда не вернусь к этому. – Его руки дрожали, и он почувствовал, как больно дались ему эти слова:– Катя, я чувствую что-то происходит, и тебя сюда прислали люди Раскина, ведь так?

Она молчала, и смотрела на него, как побитая собака.

– Ты ещё занимаешься этим?– Он резко задрал рукав кофты на её руке и увидел следы от уколов, многочисленные «дорожки». – Лучше уходи сейчас, не делай мне больно. – Он не мог больше сдерживаться и чувствовал, что сейчас расплачется, как мальчишка. – Я всё понял, они подослали тебя к нам... ты...

Она не дала ему договорить, вынув из внутреннего кармана шприц наполненный жидкостью знакомого цвета, протягивая его Ярославу.

– Ты никогда не забудешь меня ведь, правда, Ярик, мы ведь любили друг друга, и нам было хорошо вместе, ну вспомни. Сделай это сам и вернись ко мне, я спасу тебя... хотя бы тебя...

Он не дал ей договорить и, оттолкнув Катю, направился к двери подъезда. Она попыталась остановить его, но увидела в некогда прежних любимых глазах ненависть и отвращение.

– Уйди!– отталкивая её, он бросился к дверям подъезда. Внезапно она распахнулась, и ему преградил дорогу здоровенный детина, который смотрел на парня с насмешливой ухмылкой. Ярослав обернулся и понял, что назад пути нет. Из припаркованной машины, к Кате подходили ещё двое бандитов. Он не успел даже дёрнуться. В глазах потемнело, Ярослав почувствовал тупую боль в затылке и, теряя сознание, скатился по ступеням вниз, к ногам Катерины. Она не могла так просто отпустить его, она должна была это сделать.

– Сейчас... прости, но я должна закончить... – Её руки тряслись, словно она отдавала ему самое дорогое. – Я не могу иначе... – Она, обернувшись, глянула на «шестёрку» Раскина, немного помедлила, не хотела убивать свою первую любовь. Парни Раскина угрожающе смотрели на неё.

рели на неё, выбора не оставалось. Стянув зубами защитный колпачок с иглы, Катя вонзила её в пульсирующую вену на шее Ярослава.– Прости меня, Ярик.

Катерина стояла возле своего бывшего возлюбленного, и в её глазах плясала пустота. Девушка уже не отдавала себе отчёт в действиях. Ярик лежал неподвижно и, склонившись над ним, она повернула его лицо к себе. Он был смертельно бледен, а в его широко раскрытых глазах застыл холодный ужас, обжигающий ледяным дыханием смерти.

– Мой бедный мальчик,– она погладила его по щеке, на мгновение, задержав руку,– теперь ты свободен и никто больше не причинит тебе боли. – Она медленно поднялась с колен и направилась к машине. В голове больше ничего не путалось, она верила, что с этого момента у неё начнётся новая жизнь. Теперь она вернётся домой и забудет о том, что сделала, словно это был сон, чужой сон, который-то и снился не ей. Один из бандитов протянул ей пакет с несколькими дозами, хлопая по плечу.

Ярослав так и остался на мокром, после весеннего дождя, асфальте возле дома, поджав ноги к животу. Он лежал с раскрытыми глазами, в них навсегда застыл немой вопрос. Таким его и нашла Елена, когда вышла из дома. Выронив сумку из рук, она бросилась к своему мальчику, единственному, дорогому мальчику, без которого жизнь стала лишённой смысла.

– Ярик, ты что, тебе плохо?– она не верила глазам, и кончикам пальцев, которые касались похолодевшей руки сына, – сыночек...– она приподняла обмякшее тело сына и, прижимая к груди, застонала. Она качала его в объятиях, что-то причитая, как сомнамбула. Взгляд женщины ничего не выражал, она не хотела верить, что её сына больше нет в живых. Когда его рука безвольно выпала из её ладоней, Елена подхватила её, прижимая к дрожащим губам, целуя каждый палец.

– Яричек, что же я наделала, они всё-таки нашли нас с тобой,– она захлебнулась слезами, которые вырвались с хрипом и болью, в груди заныло, и убитая горем мать, всё крепче прижимая к себе мёртвого сына, заревела белугой.

Ирина услышала крик сестры и, выглянув в окно, прижала руки ко рту, чтобы крик не вырвался наружу. Сердце бешено заколотилось, и она, опустившись на стул, налила себе воды из графина. Осушив до дна чашку, Ирина снова подбежала к окну, чтобы убедиться – всё это происходит наяву. Видя, что действительно случилось непоправимое, она бросилась к двери.

Она неслась вниз перепрыгивая через ступеньки и, распахнув подъездную дверь, кинулась к плачущей сестре, обнимающей сына.

– Лена, я вызову «скорую», может... ещё можно что-то сделать...

– Они... они...– еле выговорила Елена, всхлипывая, – его нет... он... мёртвый, Ярик... мой сыночек...

– Я сейчас. – Ирина побежала назад в квартиру, она знала, что нужно делать и, поднявшись на пятый этаж, влетела в распахнутую настежь дверь. Трясущимися руками набрала номер скорой помощи и, сообщив о случившемся, решила заодно вызвать и милицию.

Скорая приехала быстро, и врач, осмотрев Ярослава, сразу же констатировал смерть. Елена бледная, как полотно, слушала молодого врача, а потом и оперуполномоченного, который ей что-то говорил-говорил, теперь ей, собственно, было уже всё равно. У неё словно оста-

новилося сердце и все чувства в мгновение отключились, когда она поняла, что Ярика больше нет.

– Леночка, пойдём, тебе нужно прийти в себя,– обеспокоенная Ирина, взяв под руку сестру, потянула её к подъезду.

– Куда вы его увозите?– вдруг спросила Лена,– не делайте ему больно...

Оперативник, покачивая головой, сказал, что свяжется с ней завтра, а пока нужно произвести экспертизу. Он много курил и хмурился, осматривая место преступления. Ирина услышала, что оперативники говорят об убийстве и, ускорив шаг, потянула за собой сестру.

Когда они поднялись к себе, Лена прошла в зал и, рухнув на диван, сжалась в комок, обхватывая голову руками, у неё больше не было сил, слёзы словно пересохли, комом застряв в горле. Телефонный звонок заставил её вздрогнуть, трубку подняла Ирина и пожала плечами, сославшись на то, что кто-то ошибся номером.

– Сестрёнка, сегодня же тебе нужно уехать, но... ты в таком состоянии, что же делать.

– Я никуда не поеду,– грубоватым голосом отозвалась Елена,– теперь мне уже всё равно... Лучше бы они это сделали со мной, они знали... они знали... как убить меня...

– Леночка, дорогая. – Ирина горячо обняла сестру. – Я не могу смотреть, как тебе плохо и не должна говорить, что всё будет хорошо, но ты должна жить...

– Зачем?!– резко оборвала сестру Елена,– ты понимаешь, что сейчас я не хочу жить, я своими руками сделала всё, чтобы они уничтожили Ярика.

Ирина не знала, как утешить сестру, её горе было так сильно и рана, нанесённая гибелью сына, могла стать смертельной. Она не хотела оставлять её в таком состоянии и, позвонив на работу, сослалась на плохое самочувствие, взяла несколько дней без содержания. Весь день тянулся чертовски медленно и только глубоко за полночь, Елена забылась тревожным сном. Во сне она вскрикивала, и только под утро впала в какой-то транс. Ирина сидела около неё и, склонив голову на руки, задремала, облокотившись на стол.

Прошло несколько дней. Выяснилось, что Ярослав погиб от передозировки героина, но судмедэксперты были едины в том, что инъекция наркотического вещества была сделана насильно, так как на голове погибшего имелись следы от удара тупым предметом. По данному происшествию было заведено уголовное дело.

На какое-то время, после похорон Ярослава, Ирине показалось, что Лене стало немного лучше, и она стала приходить в себя и не пугала больше сестру разговорами о смерти. В один из вечеров, когда они сидели на кухне и разговаривали, доедая скромный ужин, раздался телефонный звонок.

– Это тебя,– протянула ей трубку Ирина,– говорят из прокуратуры.

– Да,– ответила Лена, и Ирина заметила, как сильно она сжала трубку телефона, и как побелели костяшки её пальцев. Женщина положила трубку и, повернувшись к сестре, что-то пробормотала о расплате.

– Что ты говоришь?– не поняла Ира.

– Я говорю, что теперь мне всё ясно. – Она подошла к раскрытому окну и в мгновение, вскочив на подоконник, шагнула навстречу своей смерти в темноту майской ночи. Ирина, не до конца осмысливая происходящее, замерла с окаменевшим лицом. Очнулась она от звона разбитого стекла. На её пальцах была кровь, она и не заметила, как сильно сжала бокал, что тот лопнул в руке. Ира не чувствовала боли, её всю трясло, слишком многое произошло за последний месяц. Опустившись на стул она закрыла глаза, пытаясь прийти в себя. Рука заболела и женщина, поднеся окровавленные пальцы к лицу, заплакала.

Глава 3

Полет над пропастью

*Остался только шаг, чтобы коснуться неба,
Остался только взгляд, чтоб прикоснуться к сердцу
И сжать его в своих руках и не жалеть о пролитых слезах.*

1

Наташа не жалела ни о чём, казалось, мир перевернулся и теперь всё налаживалось. Девушка словно очутилась в сказке, и ей не терпелось поскорее увидеть Азизу, чтобы рассказать о своём новом романе и о том, что принцы на белом коне существуют на самом деле.

– Погоди немного,– говорил Антон, он всё время был занят и не мог отвезти её в город. – Вот будут выходные, и тогда съездим.

На мгновение её лицо потемнело, Наташа вспомнила квартиру, где ей столько пришлось пережить. «Только дёрнись, и я тебя разрежу на кусочки и смою в унитаз, никто, ничего не найдёт!»– пронеслось в голове, она помнила страх, от которого просыпалась, когда уже находилась в безопасности. «... Я сделаю с тобой все что захочу...» «Зачем тебе всё это, ты... не похож на маньяка»? «А что раньше ты была знакома с Чикатило или Джеком – Потрошителем»?– Воспоминание о его смехе заставило покрыться спину мурашками, а подмышкам неприятно похолодеть.

«Когда-нибудь узнаешь». – Голос мучителя всплыл из подсознания, – «жизнь так не предсказуема, детка».

– Наташа. – Антон тронул её за плечо, возвращая в реальность. – Что происходит, ты бледная такая, тебе нехорошо?

Наташа поёжилось, тонкая блуза прилипла к телу и, от нахлынувших, грязной топью воспоминаний, ей захотелось залезть под душ и стоять там, подставляя лицо, горячим струям воды.

Она глянула на него и, прижавшись к его груди, заплакала:

– Я такая глупая, наверное, ведь с тобой мне нечего бояться, правда? – Она подняла на него прозрачно-зелёные глаза и доверчиво по-детски посмотрела на Антона. От этого взгляда внутри него что-то ёкнуло, он отвёл глаза в сторону и тяжело вздохнув, сказал, что всё плохое осталось позади и теперь они начнут новую жизнь.

– Я никогда не вернусь туда, где меня чуть не убил этот гад, я столько всего вынесла, Антон, что мне страшно даже представить, что когда-нибудь я переступлю порог этой квартиры. Представляешь, я никогда и подумать не могла, что он на такое способен.

– Да, больней всего, когда тебя предают близкие. – Он нежно поцеловал её в макушку.

– Всё так странно случилось... не хочу больше о плохом, – она отвернулась к окну, но насмешливый голос снова начал преследовать. «... Я сделаю с тобой всё что захочу...»

– Наташа, – Раскин развернул её к себе, – может, стоит поговорить с психологом?

– Я в порядке, – она попыталась улыбнуться и почти поверила, что с тяжёлыми воспоминаниями можно расстаться, когда горячие руки любимого сжимают тебя в объятиях.

– Не совсем согласен, – покачал головой Антон, – а у меня к тебе предложение.

– Да? – Наташа немного отвлеклась и, обхватив Раскина за талию, улыбнулась ему.

– Я серьёзно, садись. – Он устроился на краю кровати, где они только что страстно занимались любовью. – Я всё устрою, ты продашь квартиру, деньги положим на твой счёт в банке, тебе ещё нужно закончить учёбу, а потом ты, кажется, собиралась в Германию.

– Да, в Ганновер, но сейчас... Не знаю, всё так запуталось, я, словно потеряла интерес ко всему, только ты, – она, запнувшись, посмотрела на Антона и, сжав в ладонях его руку, в упор смотрела на него, – со мной раньше такого не было. Я никогда не чувствовала такого и не понимала, что такое любить.

– Я тоже люблю тебя, – он нежно поцеловал её в щеку, – и поэтому давай сейчас немного отвлечёмся, тебе надо переключиться на что-то такое, что не вызывает плохие эмоции. Если тебе так не хочется возвращаться в ту... квартиру, этим займётся Гена, для этого ему нужна уверенность от тебя.

– Я ничего не понимаю в этом, но мне придётся вернуться туда, – вот этого ей больше всего не хотелось, от мысли, что когда-нибудь она переступит порог ада, в котором побывала. Наташа снова задрожала всем телом, – я могу попросить тебя...

– Милая, да ты вся дрожишь, – он всерьёз был обеспокоен. Эти проблемы сейчас были нужны меньше всего. – Успокойся, тебе нужно прийти в себя, – он вышел из комнаты и вскоре вернулся со стаканом воды и двумя таблетками в руках. – Вот, выпей, тебе действительно нужно показаться доктору, я вызову своего знакомого психиатра и ... не смотри так, у тебя тяжёлая душевная травма и чтобы всё не переросло в такую же тяжкую депрессию, может понадобится специалист.

– Но у меня нет денег для твоего специалиста, всё и так зашло слишком далеко... – начала, было, Наташа и в какой-то момент ей стало невыносимо чувствовать себя птицей, которую заперли в клетке с собственного согласия. – Ты и так много сделал для меня, и я не могу пользоваться нашими отношениями

– Это моя забота, у меня есть связи, и мы можем быстро избавиться от этой головной боли, у меня на примете есть красивый домик в Дивногорске.

– Какое отношение это имеет к нашему разговору? – она непонимающе посмотрела на Антона.

– Отсюда каких-то шесть-семь километров, – продолжил он, – и потом ты всегда сможешь приезжать к своим друзьям.

– Что ты придумал? – Наташа никак не могла взять в толк, что решил предпринять Антон. Её иногда раздражало, что она ничего не могла понять, в голове полная каша, а при малейшем усилии напрячь мозг, её начинала бить дрожь.

– У меня есть дом в Дивногорске, я могу предложить его тебе взамен на квартиру, чтобы тебе не пришлось заниматься всей этой беготней. Я представляю, как всё это будет нелегко, все эти визиты риэлторов, а самое жуткое, что тебе предстоит очень часто бывать в этом месте, и я понимаю тебя и хочу избавить от лишних проблем. Доверенность хотя сделать быстро.

– Поступай, как читаешь правильнее. – Она заметила, что ей стало гораздо легче. Вдруг Наташа поняла, что ей наплевать на всё, что с ней случилось. Как бы в долю секунды ужас отступил от неё. Она вспомнила, что Антон дал ей успокоительное и, улыбнувшись, вздохнула.

– Я доверяю тебе и уверена, что ты лучше меня во всём разбираешься.

– Оставим пока проблемы, иди лучше ко мне. – Антон обнял Наташу и, притянув к себе, опустился вместе с ней на кровать. – Никак не могу насытиться тобой. – Он убрал волосы с её лица. – Ты такая красивая, Наташа и ... давай просто займёмся этим снова, тем более любовь хорошее средство от депрессии, своего рода аспирин.

Она, засмеявшись, вытянула руки вверх, а он легко стянул с неё одежду, жадно разглядывая молодое тело девушки. Она действительно лакомый кусочек, подумал про себя Раскин, жалко отдавать такую куклолку старому кобелю Тэллю, ну ничего может мне удастся что-то придумать. Он сжал в ладонях грудь Наташи и жадно впился ей губы. Почему бы и нет, продолжал он рассуждать мимоходом, пока она ещё не растратила себя, почему бы и нет, потом, она не будет такой сладенькой, она будет похожа на красивый, но пустой фантик от конфетки.

– Антон, – томно прикрыв глаза, Наташа запустила пальцы в его волосы, – какой же ты ... ах ... Тоша, как хорошо ...

Внезапно зазвонил телефон и, оторвавшись от разгорячённого тела Натальи, Антон, взял со стола мобильник.

– Да, это ты Ген, что говоришь? – он вынул из пачки сигарету и посмотрел на девушку, – а ты как думаешь ... что же, мне можно и позавидовать ... Да, я понимаю. Сколько? – посмотрев

на Наташу, он разочарованно подмигнул ей и, пожав плечами, дал понять, что дела всегда застают его в неподходящий момент.

После недолгого разговора с Динаровым, он поцеловал её и сообщил, что ему пора уехать в самый неподходящий момент.

– А ты куда, в город? – спросила Наташа, надеясь отправиться вместе до Красноярска.

– Ну, поехали, если хочешь, – как-то странно быстро согласился Раскин, – а вечером... встретимся у башни с часами.

– А, во сколько?

– Примерно в семь вечера, если что, я постараюсь быстрее.

Наташу удивило то, как быстро он согласился отвезти её в город, однако позже она поняла, что едет не одна, за её спиной постоянно будет находиться телохранитель Антона. Он его представил, как Философа. Наташа запомнила его кривую ухмылку, потому, что больше в тот вечер она от него эмоций не увидела. В машине они с Антоном почти не разговаривали, может потому, что впереди сидел Философ.

Глядя в окно, Наташа радовалась, что скоро лето. Так давно она не была в городе, и очень соскучилась по Азизе. Там в доме её спасителя, время пролетало быстро, и Наташа почти смогла забыть, что у неё совсем недавно была другая жизнь. Теперь, приближаясь к городу, на неё нахлынули приятные воспоминания, и, глядя на покрытый свежей зеленью лес, она видела, как на деревьях из набухших почек проклюнулись, словно птенчики из яиц, молодые листочки.

Почему-то ей так хотелось пройтись по улицам города, когда стояла такая чудесная теплынь. Солнце заливало дорогу, проносящиеся мимо автомобили, играло в ещё нераспустившихся листьях деревьях, вместе с весенним ветерком на пару. Пахло весной, почками и чем-то ещё таким, что невозможно передать словами, только почувствовать. Наташа улыбалась и ощущала себя счастливой, ей не терпелось повидать Азизу и всё ей рассказать как лучшей подруге из старой жизни, с которой покончено навсегда. НАВСЕГДА.

2

– Боря, я не могу понять тебя, какого чёрта ты не подходишь к телефону! – возмущённо проговорила его жена, влетев к нему в кабинет. – Целый день звоню, что случилось?!

– Что, произошло несчастье? – как-то потусторонне спросил Журавлев, – кто-то умер? Тебе не стоит приезжать сюда по любому поводу, даже если ты не можешь дозвониться.

– Ты так спокоен?! – Борис глянул на неё поверх очков и понял, что сейчас она заведётся, и скандала не избежать. – Каждый день кого-нибудь взрывают, идёт... война, – она запнулась и потом более твёрдо добавила, – необъявленная война.

– Ирина, у меня много работы, я был занят. Прости.

– Неужели так трудно обзавестись сотовым. – Глаза Ирины словно метали молнии, Борис смотрел на неё, думая о появившихся проблемах и видел, что жена сейчас вспыхнет словно спичка, поднесённая к огню, – мне не нравится каким ты стал, ты отдаляешься от меня и сына.

– Так, дорогая, выйди из моего кабинета, – это было произнесено тихо, но грозно, и Ирина немного отпрянув, свела брови, он никогда не говорил таким тоном. Что-то действительно случилось.

– Я поняла, я... Я просто разнервничалась, – она не на шутку испугалась, понимая, что сейчас не лучшее время для воспитания мужа. – Дома поговорим.

– Я тебе что сказал, – начал заводиться Борис, – не надо приезжать сюда и устраивать здесь истерики, если я посчитаю нужным, то объясню тебе, что к чему, нет – значит, нет. Ясно?!

Ирина вздрогнула всем телом и открыла дверь.

– Ясно! – нарочито громко ответила она, не забыв, посмотрев на секретаршу, которая с интересом наблюдая семейную ссору босса и его супруги, выглянула из-за своего компьютера.

– А ты что вылупилась? Ты, там печатаешь, вот и печатай! – прикрикнув на секретаршу, Ирина почувствовала себя лучше и, не дожидаясь, что скажет на её выпад супруг, поспешила к выходу. Двери тоже досталось. Когда она с грохотом захлопнулась, секретарша Маша и Журавлев вздохнули спокойно.

– Может вам сварить кофе, Борис Германович, – осторожно спросила Маша.

– В самый раз, Машуля, – улыбнулся он уголком рта, но эта улыбка не понравилась девушке, она тоже видела, что не всё в фирме гладко, и над головой её шефа сгущаются тучи. – Да, и накапай немного коньячка.

– Французского, Борис Германович?

– Его самого, – уже теплее отозвался Журавлев, – и себе можешь налить, бедная моя девочка, тебе-то совсем ни за что влетело.

– Ничего, – пожала плечами Маша. Ей всегда нравился Борис Германович, он был хорошим начальником. Не приставал, когда у неё было плохое настроение, и не был по её мнению озабоченным, как предыдущие её начальники. Конечно, иногда она была непрочь, заняться с ним сексом и понимала, что это тоже входит в её работу. Она же должна была быть своего рода психоаналитиком, если у него, бедняги, такая жена – стерва. Для неё основная работа не казалась, так важна, как забота о шефе, поэтому, она никогда с ним не спорила ни на работе, ни в постели. И видела, с лёгким ликованием, что её семена дают неплохие всходы. Она не собиралась уводить его из семьи и знала, что так она лишится хорошей работы, богатого любовника и славной жизни.

– Садись, Машуля. – Он пододвинул к себе стул и, взяв из её рук поднос с коньяком и кофе, поставил перед собой. – Эх, к чёрту всё, поедем на недельку в Грецию, меня давно друг зовёт в Салоники.

– С вами, Борис Германович, хоть куда, – сладко улыбнулась Маша, – но только вы забыли, что десятого у нас подписание контракта с немцами, – она нежно улыбнулась ему и, подавшись вперёд за чашкой кофе, не забыла уловить его взгляд, блуждающий в глубоком вырезе блузы.

– Всё из головы вылетело, чёрт побери, как они меня все достали, проклятые рэкетеры и зачем я только влез в долг к этому Раскину, только деньги, деньги. Всё высасывают до последнего, а у меня... сама понимаешь, тебе ли не знать, сколько сейчас навалилось проблем.

– Борис Германович, всё будет хорошо, вчера я говорила с Антоном Александровичем, он обещал снизить проценты по вычетам за участие в доле нашей прибыли. Я думаю это более обнадёживающий вариант, вы можете обсудить проценты, и суммы перестанут быть столь астрономическими.

– Я всё понимаю детка, но почему я должен платить им, они, что ли трудились, не покладая рук, когда я ставил на ноги эту компанию, как всё это мерзко... что я не могу отказать им...

– Борис Германович, а почему нам не направить основную прибыль в офшор, я знаю, что на Каймановых островах, самая успешная зона для инвестирования средств. Благодаря налоговым льготам они стали крупным международным банковским центром.

– Моё золотце, ты забыла, что они присылают к нам своего финансиста в конце каждого квартала, но твоя мысль интересна. – Казалось, Журавлев немного оттаял, так как в его голосе появилась тёплая благодарность. Он допил остатки коньяка и, откинувшись на спинку кресла, прикрыл глаза. – Созвонись с Ивановым, что он порекомендует, пригласи его сегодня на ужин в семь вечера в ресторан на набережной.

– Я поняла, «Золотое руно»?

– Ага, – Журавлев, встrepенувшись, встал из-за стола и в упор, посмотрев на Машу, произнёс: – Я надеюсь, детка, что ты не подведёшь, у тебя умная головка, и она всегда выручала меня, поэтому и доверяю тебе, но... хотя это уже не имеет значения.

Маша согласно кивнула, понимая, чего её босс всерьёз опасается. Через несколько минут она уже договаривалась о встрече с Ивановым, руководителем коммерческого банка, с которым сотрудничал Борис Германович. Журавлев, немного успокоенный, занялся проверкой отчётов, которые ему предоставил его заместитель Дмитрий Воля. Борис всегда улыбался, вспоминая его фамилию. Это кличка или действительно фамилия, прямо спросил он Дмитрия в день их знакомства, на что тот предложил показать паспорт, но Журавлев, рассмеявшись, покачал головой, и пробормотал что-то типа, верю.

Его мысли вдруг вернулись к тому дню, когда он впервые увидел ту девушку, о которой ему рассказывала Елена Демьянина, врач работавшая на Раскина. Она была немного усталой, но чертовски очаровательной, от неё пахло жасмином и... Борис поймал себя на мысли, что ему нравится думать о ней, о Наташе и перебирать в своей памяти, что ощутил, когда она коснулась его руки, приветствуя их семью, звук её бархатистого нежного голоса.

Он провёл рукой по волосам и содрогнулся, почувствовав влажные капли на лбу. Потом, отругав себя за безрассудные мысли, которые слишком часто стали посещать его в последнее время, закурил, и придя в себя, вернулся к работе.

Сегодня ему предстояло обо всём договориться с Ивановым, он пододвинул телефон и, набрав номер Воли, попросил, чтобы тот зашёл к нему. Нужно было многое обсудить и выбрать верную тактику. В случае провала, ни Раскин, ни Тэлль, ни о чем не должны догадаться. Он вызвал Машу снова и велел приготовить чай для него и Дмитрия Анатольевича.

– Ему без сахара, – добавил Журавлев и, повесив трубку, отодвинул от себя бумаги, понимая, что все мысли его заняты предстоящим ужином с Ивановым.

3

Она чувствовала непреодолимое желание войти в дом, где её жизнь чудом висела на волоске и чуть не оборвалась. Удивлялась сама себе, ведь несколько часов назад она и думать боялась, чтобы переступить порог адского места. Родной дом давно стал чужим, но почему-то сейчас её тянуло туда. Ноги словно шли сами, наперекор протестам души, которые кричали внутри.

Тебе всё это не нужно, увиденное снова принесёт боль, и поутихшие ночные кошмары вернутся, окутают кровавым маревом Зловещий лабиринт вырастающий, словно по мановению волшебной палочки злого волшебника снова захочет проглотить твою душу.

Наташа подошла к подъезду своего дома и была рада, что никого из знакомых не встретила, ей не нужны были расспросы и тем более жалость. Она была уверена, что все знали о том, что происходило в злосчастной квартире, но никто и пальцем не захотел пошевелить. Как же могут быть равнодушны люди, подумала она и тут же рассмеялась в голос. Смех так же резко оборвался, как и начался, Наташа заплакала и почувствовала, как слёзы обожгли лицо. Как бы поступила она? Она ведь тоже же ничего бы ни сделала, если бы узнала о проблемах какой-то там девчонки. Все так живут, никто не хочет вмешиваться в чужие проблемы, всем дорого собственное спокойствие. Так что же теперь винить их, если она сама такая.

Наташа вытерла большими пальцами рук тёмные ручейки слёз. Они смешались с тушью, ей не было дела до того, как она сейчас выглядит. Счастливые дни словно стёрлись из памяти, оставив место ужасным воспоминаниям о проведённом здесь времени, когда она уже не верила, что сможет остаться в живых. Дверь оказалась заперта, и Наташа знала, что она в любом случае не вошла бы туда. Столкнуться с призраком кошмара прошлого не хотелось опять.

Она провела рукой по обивке двери, местами потрескавшейся, из которой вылезли куски поролона. Почему всё перевернулось, почему, спрашивала она себя. Мама, если бы ты знала, что здесь происходит, где же ты, мамочка... Ещё немного и Наташа бы сломилась и, застонав на весь подъезд, упала возле двери, но её привёл в чувство стук входной двери подъезда.

– Наташа, – окликнул её незнакомый голос. Она прижалась к стене и замерла, словно ящерица на камнях. – У вас всё в порядке? – повторил мужчина, и Наташа, услышав шаги, отступила назад. Это был Философ, который остался на улице и незаметно шёл за девушкой, что та даже не увидела его.

– Вы напугали меня, – ответила она и, выпрямившись, в упор глянула на него. Руки дрожали, и Наташа ничего не могла поделать с этим. Её буквально трясло и, видя состояние девушки, Философ остановился в нерешительности.

– Может, позвонить Антону Александровичу? – он протянул к ней руку, но Наташа, покачивая головой, отступила назад. Почему-то она почувствовала к этому человеку недоверие, у него были холодные глаза убийцы. Он мог точно так же, как Валерка наброситься и скрутить её без всякого сожаления.

– Лучше пойдём, – более спокойно сказала она, пытаясь унять предательскую дрожь, – мне не хорошо, но это пройдёт.

– Может быть, вы хотели, придя сюда получить ответы на вопросы? – спросил он докторским тоном. – Не только преступников тянет на место преступления.

– А что вам известно, что произошло здесь? – с какой-то горькой иронией спросила Наташа Философа, на что тот, покачивая головой, добавил.

– Это написано у вас на лице, хотя, что скрывать, я кое о чём слышал, но совсем немного.

– И о чём же? – она быстро спустилась к нему и, заглянув в неподвижные глаза, пыталась разглядеть там сочувствие и понимание, но не нашла.

– Мне известно только, что вас держали заложницей, а что было в действительности, можно только предполагать.

– Да уж, – протянула она, поворачиваясь к нему спиной, – понятно, откуда у вас это прозвище, Философ.

Наташа начала спускаться вниз, Философ, улыбнувшись краем рта, последовал за ней. Ему было известно обо всём, ведь он лично участвовал в допросе Кляпина Валерки и знал все подробности тех дней, которые стали роковыми в жизни Натальи. Ему ни о чём не следовало говорить, и, понимая это, Философ, как мог, старался успокоить Наташу и любезно предложил, подвезти её к дому Азизы.

Наташа вдруг ощутила такую потребность в подруге, что тут же согласилась, ей не с кем было больше поделиться горем и радостью.

Она раскрыла сумочку и, вынув пачку сигарет, уронила её на пол. Что со мной происходит, ужаснулась она, руки совсем не слушаются, надо отвлечься, иначе так и до психушки не далеко. Философ остановил машину и, подняв сумочку, протянул ей зажигалку.

– Вам нужно взять в себя в руки, всё забудется, даже самое плохое.

– Тоже мне психоаналитик, – она поднесла зажигалку к сигарете и, закурив, посмотрела в окно. – Поехали, это на Пирогова 18, корпус два.

Философ повернул машину с главной дороги и двигался по указанному адресу. Больше он не проронил ни слова, чем обрадовал Наташу. Ехали они совсем недолго и вскоре оказались у дома, где жили Ахмедовы. Вдруг её нет дома, подумала Наташа, что тогда, буду ждать. Никуда не поеду, не поговорив с Азиской.

– Я поднимусь сама, не надо ходить за мной, Антон... Александрович будет ждать меня в семь, я думаю, мы быстро доедем до башни с часами.

– Ага,– кивнул Философ, оценивающе провожая взглядом Наташу, которая не видела его пожирающего взгляда. Он был в курсе всего и знал, что Раскин приказал неотступно следовать за ней и беречь, как зеницу ока.

Он вспомнил, когда увидел её впервые, когда она ещё жила своей жизнью, в то время Раскин просил узнать, где её дом. Философ сам бы с удовольствием закрутил с ней роман, так она была хороша и наивна для своего возраста, несмотря на то, что имела уже кое-какой опыт, хотя разве это можно было назвать опытом. По его сведениям у неё был только единственный мужчина – друг, с которым она ещё училась в школе, с кем у неё и случился небольшой роман, ничем так и не закончившийся. Она не перестала встречаться с ним, и называла другом.

Философ негромко хохотнул, мысли о том, как он бы смог заняться с ней любовью, привели его в возбуждение, и он, откинувшись на спинку сидения, закинул руки за голову. Немного осталось, потом, возможно, и ему что-нибудь достанется, но потом всё будет не так, как если бы это было сейчас. Он сделал музыку громче и уставился перед собой, глядя на обезьянку, висевшую на лобовом стекле, как они были похожи, её тоже дёргают за ниточки, когда хочется повертеть туда-сюда.

4

Азиза обняла подругу и расплакалась, вернее они обе заплакали, целуя, и обнимая друг друга.

– Разве можно так надолго пропадать?! – Азиза укоризненно посмотрела на подругу,– у тебя такие печальные глаза, а мне сказали... что с тобой всё в порядке.

– Кто сказал?– с удивлением спросила Наташа.

– Не знаю,– пожала плечами Зиска. – Честное слово, прошла неделя после твоего исчезновения или больше, потом позвонил какой-то мужчина, он сказал, чтобы тебя не искали, и что с тобой произошёл несчастный случай. Он позвонил к нам домой и сообщил, как только тебе станет лучше, ты вернёшься. И потом столько времени тебя не было.

– Понимаешь,– Наташа обняла подругу. – Столько всего случилось, и я так хотела увидеться, но жила за городом. Мне было очень плохо, пока меня приводили в чувства, я ... – Она, опять заплакав, закрыла лицо руками и ощутила, как снова покрылась мурашками, она не могла рассказать Азизе всего, она боялась, что, вспомнив и пережив заново кошмар тех дней, ей станет только хуже. Воспоминания, словно острый нож, обжигающий болью, так не хотелось снова их выуживать из уголков подсознания, но она должна была это сделать, открыться подруге.

– Дома никого нет, словно всё испарились,– начала Зиска. – А соседи мне рассказали, кое-что.

Наташа подняла заплаканное лицо.

– Сказали, что ... ну может это только враньё... что Валерку убили.

– Это было бы очень хорошо, – с нескрываемой радостью кивнула Наташа. – Он заслужил самой мучительной смерти, погоди, я специально приехала, чтобы тебе обо всём рассказать, ты самый близкий мне человек, теперь у меня нет никого роднее, если не считать ... моего спасителя.

Зиска обняла Наташу.

– Расскажешь о нём?

– Конечно.

– Дура, надо было сразу бежать ко мне, мы бы помогли тебе, ты же знаешь, как мама относится к тебе, а Нугман!

– Я не могла прийти. – Наташа почувствовала, что её голос стал твёрже. – Меня подобрали на улице, когда я потеряла сознание.

Она посмотрела в карие глаза подруги и начала свой рассказ. С каждым словом, вздохом подруги, Азиза бледнела и не могла проронить ни слова.

Полная пепельница окурков и сизый дым, повисший на кухне. Наташа больше не плакала, она может, и хотела этого, но теперь у неё не осталось сил. Слезы точно высохли, и теперь она могла только курить одну за другой сигарету, не ощущая их вкуса и запаха запивая крепким кофе, которое сварила Зиска.

– Я вырвалась и побежала, мне было всё равно куда, тогда мне хотелось только одного, как можно дальше убежать, и больше никогда не видеть этой ухмыляющейся морды. Потом стало ужасно холодно, и я поняла, что лежу в снегу, полуголая, истекающая кровью. Мне стало невыносимо больно, только потом я почувствовала все раны, что оказались на мне. Я всё так ясно помню, словно... это было вчера... Зиска, это было ужасно, но потом всё кончилось, и... я не знаю, что ждёт меня дальше, У меня появился любимый человек, и я впервые поняла, что это значит полюбить мужчину и ощущать себя такой счастливой.

– Натка, я ничего не понимаю, откуда он появился? – Зиска прижала ладони к лицу. – Ты можешь толком объяснить?

– Антон и его друг проезжали мимо и подобрали меня, вот, так всё просто. А потом всё как в сказке, как в кино, я до сих пор не верю, что это со мной происходит. Антон увёз меня в свой загородный дом, нанял сиделку, врачей и меня всё это время приводили в порядок, по винтикам собирали, можно сказать. Потом... я влюбилась... это звучит теперь так просто, но тогда, я не понимала, что это благодарность за спасённую жизнь или настоящие чувства. Потом, сиделка рассказала, как у него погибла жена, и что я очень похожа на неё.

– Какой кошмар! – ахнула Зиска, открывая окно, – прям как в бразильском сериале! Ты не против, я проветрю, а то родачки приедут... оба на, вот это тачка, к Нугману, что ли приехали!

– Да нет, – подойдя к ней, сказала Наташа, – это... как бы сказать телохранитель что ли... мой.

– М-да, ну вы девушка, вообще, с охраной! Круто!

– Да ну, его, достал меня.

– А ты как хотела,– Азиза пожала плечами,– кончай реветь, теперь-то у тебя все о`кей?

– Не знаю,– Наташа, опустив глаза, запустила пальцы в длинные волосы.– Меня пугает его работа, и я догадываюсь, что Антон не простой парень.

– А ты что думала? Простые парни на таких тачках не ездят и шикарные виллы не имеют. У наших пацанов, в лучшем случае, это однушка на втором этаже в грязном замыленном подъезде.

– Ты это о Серёжке?– грустно улыбнулась Наташа.

– И о нём, многострадальном. Говорят, у него баба завелась...

– Заводятся тараканы,– улыбнулась Наташа. – А Серёге лучше быть с другой, я ему только одни неприятности приносила.

– Вернёмся к твоему Антону, чем он занимается?

– Не знаю, он мне не рассказывает, так, знаешь ли, умело уходит от вопросов, однако Валерка... я знаю, что с ним что-то случилось, хотя и не жалею его, но не хотелось бы думать, что к этому причастен Антон.

– А ты что не знаешь, что ... Валерка выбросился из окна твоей квартиры.

– Что?– Наташа, все ещё не веря, прижала руку ко рту. – Нет, погоди... когда?!

– Не знаю, я не следователь, но мне рассказал Сергей, всё было так странно, сначала твоё исчезновение, потом гибель Валерки, а твоя мать, она, говорят, вообще пропала.

– Как,– Наташа опустила глаза. – Мама уехала в деревню, где жила его мать, а сначала переоформила квартиру на Валерку, не знаю, почему, и он стал полновластным владельцем. Всё это странно, и я уверена, что это Антон так отомстил ему за меня.

– Не думаю,– покачала головой Азиза,– зная про некоторые дела моего папочки, я кое о чём подумала.

– О чём?

– Пойдём, я тебе кое-что покажу. У меня вдруг появились некоторые предположения насчёт твоего нового друга.

Наташа не понимала, о чём говорит подруга, а потом увидела в её руках альбом с фотографиями.

– У меня есть одна мысль и если она, верна, то ты должна обещать мне, что исполнишь мою просьбу. Ты же знаешь, плохого я тебе не пожелаю.

– Зиска, ты пугаешь меня,— Наташа села с ней рядом на мягкий уголок, который так уютно украшал их просторную кухню. Девушки раскрыли альбом, пробегая глазами по детским фотографиям и снимкам, где Нугман был ещё маленьким мальчиком в коротких штанишках.

– Вот умора, посмотри, здесь Нугману пять лет, как он изменился с тех пор.

– Постой,— остановила её Наташа,— это кто?

– А, это? Крёстный Нугмана – дядя Боря.

– Журавлёв?!

– О, в каких вы кругах общаетесь, мадам,— горько рассмеялась Азиза. – Ну, значит, мои предположения верны. Не про Антона ли Раскина ты мне рассказывала?

– Ничего себе, подруга, оказывается у нас общие знакомые?— улыбнулась Наташа, но в глазах Зиски она не увидела радости, скорее всего в них был испуг.

– Это не мои знакомые, а о Раскине я вообще молчу, ты не знаешь что это за человек, а я много слышала о нём, и от дяди Бори, и от отца, так, между делом упоминали, как упряя, которому дань платить надо каждый квартал.

– Нет, возможно, ты ошибаешься, Азиза. – В груди Наташи больно кольнуло,— я догадывалась, но... он не такой, он любит меня.

– Если он тебя любит, то я не завидую тебе, скорее всего, использует для своих целей.

– Дура ты, Зиска, я, что, по-твоему, совсем ничего не смыслю, он такой нежный, такой...

– Давай трезво посмотрим на ситуацию, что ему могло быть нужно от тебя, не твои красивые глазки это уж точно, у него таких девок, только свистни. Можешь спросить Нугмана, он сам не раз с ним имел дело и ... отец даже не знает, в чём он участвовал. Откуда я всё это знаю, спросишь? Я сама чуть не влипла в историю, «спасибо» брату... У Раскина есть друг, близкий друг Гена Динаров.

– Он тоже скажешь последняя сволочь?

– Этот Динаров знал, кто мой отец и ... один раз, когда папа отказался платить, меня встретили его ребята, может быть тот, что сидит, в той самой машине то же был с ними. Они просили передать ему кое-что... там была... как я узнала позже голова нашей собаки и записка, что в следующий раз они пришлют мою голову. Отец отослал меня к родственникам в Махачкалу, где жила моя родная тётка. Я не помню подробностей, кроме грязного подвала, в котором я очнулась и загаженную мухами тусклую лампочку.

– Ты никогда не рассказывала об этом, – с тихим ужасом пробормотала Наташа. – Зиска, неужели Антон... может быть Динаров, но только не Антон, я не могу поверить, он...

– Если бы не Нугман, я бы сдохла там, и на этом кончилась моя только что начавшаяся юность, отцу пришлось заключить договор с хозяином, а Раскин его непосредственный товарищ по оружию.

– Но что мне теперь делать со всем этим, я ведь люблю его и... не могу поверить этому, хотя тебе я верю, но... он не сделает мне ничего... я не знаю, как мне быть и как поступить после того, что ты рассказала.

– Прости, но я не могу понять, как можно любить эту тварь, он исполнитель идей Хозяина и... он мог убить меня, не лично, такие как он, не мараются, они всё делают чужими руками, только так.

Азиза с болью глянула на подругу, и Наташа ощущала кожей, что она не обманывает, что всё это правда, и тот человек, которого она так любит и в самом деле монстр. Другая половина не давала ей опомниться и нашёптывала, нашёптывала, что всё совсем не так, и она не такая глупая, чтобы не распознать фальшивые чувства. Его образ стоял перед ней, и в его глазах не было лжи. Не может человек с такой лаской касаться тебя и лгать, не может такой человек, спасший незнакомую девушку быть убийцей, похитителем детей. Нет, это не про него. Словно в тумане, Наташа встала из-за стола и направилась к двери.

– Наташа, прошу, не делай этого, останься у нас, и мы... мы поможем тебе,– Азиза закрыла собой проход в прихожую, она не могла поверить, что после сказанного Наташа вернётся к нему, к этому чудовищу.

– Я уже всё решила, Зиска, прости, но я не до конца понимаю тебя, здесь что-то не так, ты сама многого не знаешь.

– Натка, я тебе столько рассказала и тебе мало. Этот сука, Динаров, приходил к моему отцу, принося чьи-то отрезанные пальцы, выдавая их за мои, это... предательство...

– Что делал Динаров это его дело, Антон не такой...

– Так Динаров работает на Раскина, Наточка, умоляю, не возвращайся туда, они убьют тебя рано или поздно, такой человек как Антон, не умеет любить, я прошу тебя...

– Нет!– закричала Наташа,– ты спятила, и что ты такое говоришь, мало, что там происходит, Антон не такой, Динаров... всё может быть, но только не Антон!– она оттолкнула подругу и направилась к двери.

– погоди,– Азиза тронула её за плечо,– прости, это твоё дело, но если что случится... послушай, прошу тебя,– её лицо покрылось пятнами от слез, и Наташа непонимающе смотрела на подругу, которая так старалась удержать её. – Если что, мой дом всегда открыт для тебя, будь осторожна, хотелось бы верить, что я ошибаюсь, я бы всё отдала за это... Натка,– она обняла подругу и, стиснув её в объятиях, всхлипнула,– не пропадай, звони, у меня нет подруги дороже тебя, ты мне как сестра.

Эти слова растрогали Наташу, и она почувствовала себя не хорошо, понимая, что слишком грубо отстаивала Антона, она не должна была так поступать с Зиской.

– Прости меня, солнышко, я тебя очень люблю, но позволь мне поступать, как я считаю нужным.

Азиза, ничего не ответив, вытерла мокрое лицо и, открыв дверь, поцеловала Наташу.

– Может быть, должно пройти время, чтобы ты поняла, кто из нас прав.

– Всё может быть, – ответила Наташа и нажала на кнопку лифта.

5

Тэлль нехотя уселся на заднее сидение, у него не было никакого желания куда-то ехать, пусть даже на ужин со своим партнёром. Он сцепил на плотном животе толстые, поросшие густыми волосами, пальцы и задумчиво разглядывал ухоженные ногти и платиновый перстень, подарок сына. Вспомнив о его гибели, он побледнел и почувствовал, как в груди защемило. Поморщился и, сняв очки, вытер покрывшееся капельками пота лицо.

– Аркадий Иосифович, куда едем? – спросил его водитель Арик, бывший его советчиком в небольших тёмных махинациях, а в миру Архимед Константинович Ксандопуло. Старый грек, но с ещё довольно таки хорошей хваткой. Тэлль всегда мог на него положиться, а иной раз доверял больше, чем как он говорил желторотым юнцам, которые гонятся лишь за лёгкой наживой, словно гиены стоящие у трапезы льва.

– В «Золотое руно», Арик, и заодно позвони Раскину, сообщи, что я жду его на набережной, как договаривались.

Итак, все ниточки сходятся, ухмылялся Тэлль. Журавлёв со своим замом и его строительной конторкой, как он называл компанию «Альянс строй», и его продажный банкир Иванов. А этот Раскин, молодой, но слишком резвый. Не любил его Аркадий Иосифович, можно сказать опасался. Антон всегда хотел казаться ему другом, но Тэлль спинным мозгом чувствовал, что Раскин метит на его место, а упустить власть в городе он не хотел, слишком долго старый паук плёл паутину.

Он надеялся, что его сын возьмёт на себя бразды правления. Артур погиб или помог кто. Эта мысль не выходила у него из головы, Тэлль был уверен, что кто-то из своих приложил к этому руку. Не хотелось верить, что это Раскин, и в тоже время тот был занят другими делами. Тэлль вспомнил девушку, которая приветливо встречала его на ужине в доме Антона – её невинная улыбка не выходила у него из головы. От этого приятного, будоражащего воспоминания о ней, его бросило в жар, тепло разлилось внизу живота, а вверх побежали холодные мурашки. Она стояла перед глазами, красивая и невинная, Тэлль облизал пересохшие губы и, вынув из внутреннего кармана фляжку с дорогим итальянским коньяком, сделал пару глотков. Сияющая, пронеслось у него в голове, та самая.

Машина резво бежала по улицам, и Тэлль, глядя перед собой, улыбался, зная, кто хозяин этого города и что всё у него под контролем. От этой мысли, на щеках появился лёгкий румянец, он испытал такое чувство, которое ощущал две минуты назад, думая о Наташе и почувствовал, что власть это как хороший секс, если приносит тебе такое же удовлетворение.

Ещё немного и он увидел, как они подъехали к ресторану, где должно было всё решиться, несомненно, в его пользу. Он знал всегда, что рано или поздно лакомая добыча окажется у него в руках. Они всегда возвращались – деньги, девочки, долги оплачивались, всё возвращалось на круги своя, и Тэлль был уверен в том, что всё, как и вода, спешащая в океан, вернётся к нему.

Через несколько минут, он увидел подъехавшую Toyota Carolina белоснежного цвета. Это Журавлёв собственной персоной, Тэлль, ухмыльнувшись, остался сидеть в машине, не в его правилах было первым приходить на такие встречи, где он решал, кому жить, а кому просто существовать. Он чуть опустил стекло и, вынув дорогой портсигар, извлёк оттуда толстую сигару, совсем недавно Артур приехал из Америки и привёз ему целую коллекцию дорогих Гаванских сигар. Теперь от парня осталось только воспоминание. Тэлль не был сентиментальным, но когда дело шло о его семье, он мог расплакаться как ребёнок. За свою семью он стоял как настоящий «Дон», и ему нравилось всё связанное с итальянской мафией, недаром с некоторыми её членами у него уже были определённые завязки. Он гордился этими знакомствами и надеялся на более тесное сотрудничество.

Он наблюдал за тем, как пребывают крысы со своих тонущих кораблей. Вот резво прикатил Иванов на темно-синем «Мерседесе» и, выйдя наружу, кивнул зеркальным стёклам автомобиля Тэлля. Иванов уже был на таких встречах и знал, что Аркадий Иосифович приходит в ресторан последним, когда все уже начинали нервничать, ожидая Хозяина.

Задерживался только Раскин, но вскоре и он оказался здесь... и не один. Открыв дверь автомобиля, он помог выйти своей новой знакомой и направился в сторону входа в «Золотое руно». Тэлль опять почувствовал знакомое покалывание в пальцах и сухость во рту. Вынув из маленького бара бутылку с ледяной минеральной водой, он выпил залпом добрую её часть и, вернув обратно, посмотрел на часы.

– Ну что, Арик, все здесь? – улыбнувшись, спросил Тэлль у водителя.

– Ага, Аркадий Иосифович...

– Ты видел, новую девочку Раскина?

– Нет слов...

– Согласен, – мрачно ухмыльнулся Тэлль и вынул из внутреннего кармана пиджака телефон. Дав некоторые указания, он решил подождать ещё минут пятнадцать, а затем, тяжело выдохнув, сказал Архимеду, что им пора. Тот быстро выскочил из машины, и, обойдя её, распахнул дверь, помогая выйти хозяину.

Швейцар почтительно поклонился перед Тэллем, и когда они с Архимедом вошли в зал, двинулся за ними, закрывая дверь и вешая табличку «ЗАКРЫТО».

За столом сидели Журавлёв, напряжённый и нахмуренный, более спокойный его зам, Дмитрий Анатольевич Воля, с ним Тэлль мало общался и, быстрым взглядом скользнув по его бухгалтерскому лицу, посмотрел на их секретаршу. С ней, Тэлль мало знаком, помня, что она всегда присутствовала на встречах и внимала каждому его слову. Казалось, в её хорошенькой головке засел настоящий компьютер, который обрабатывал каждое слово и даже иногда подкидывал дельные советы.

Раскин, слегка улыбнувшись, кивнул Аркадию Иосифовичу, и, посмотрев на свою спутницу, перевёл взгляд на Журавлёва, который так же внимательно разглядывал Наташу.

– Что я здесь делаю?– шепнула ему Наташа,– я неуютно себя чувствую, мне как-то не по себе.

– Так нужно, это ненадолго, – так же тихо ответил Антон. – У меня к тебе будет одно предложение, и ты должна кое-что услышать... всё, пока, что никаких разговоров.

– Добрый вечер,– поприветствовал всех Тэлль, не сводя глаз с Наташи. Немного подавшись вперёд, он ответил на рукопожатия поднявшихся с кресел мужчин. – Дамы, – он поприветствовал их кивком головы,– вы как всегда неотразимы,– Маша сдержанно улыбнулась, и покосилась на незнакомку, сопровождавшую Раскина, она ей показалась девушкой не их круга. Судя по ней, у них ничего не должно быть общего с Раскиным. Это было заметно, как деланно ласково он улыбался ей и та, совершенно искренне отвечала ему. Что она вообще здесь делает, задавалась вопросом Маша, но вскоре её любопытство было удовлетворено.

–Я хочу услышать ваше мнение по начавшей накаляться обстановке в нашем общем бизнесе, – неожиданно начал Тэлль.

– Пора расставить все точки над «и»,– начал Журавлёв,– и мне не хотелось бы, чтобы тема разговора стала достоянием чужих ушей...

– Можно прервать вашу пламенную речь, Борис Германович?– мягко остановил его Раскин,– простите, но боюсь, вас это мало касается. Свои дела я доверяю близким мне людям

Тэлль, приподняв одну бровь, вопросительно посмотрел на Раскина, но не стал прерывать его. Журавлёв переглянулся с Волей и сделал вид, что внимательно слушает Антона. Раз молчит Тэлль, значит, он так же не может что-то возразить. Ему были известны кое-какие факты, но в его словах он слышал что-то фальшивое. Только сейчас Борис понял, где видел эту девушку, эта была та самая красавица, о которой говорила ему Лена Демьянина. Всё так быстро закрутилось в его голове, что он отказывался, что-либо понимать и связать происходящее сейчас, со словами Елены и её просьбе о помощи.

– Хочу представить вам мою невесту Наталью и заодно пригласить всех вас на нашу свадьбу, которая состоится в следующую субботу.

Наташа ничего, не понимая, с изумлением посмотрела на него, а у всех присутствующих это вызвало лишь лёгкую ухмылку. И только Наташа не заметила этого, как и лжи в его глазах.

– Очень приятно,– улынулся Тэлль и, пожав руку Антону, взял Наташину в свою тёплую влажную ладонь, поднося к губам. Девушке было не очень приятно прикосновение этого жирного борова, она догадывалась, кто он такой, ещё в тот первый вечер её знакомства с «высшим светом» в доме Антона и поэтому вздохнула с облегчением, когда он, наконец, убрал свои губы с её запястья. Ей захотелось тотчас же вытереть руку, но она понимала, что сейчас этого делать не стоит.

Журавлёв как-то тревожно посмотрел на неё, и Наташа вдруг вспомнила всё, о чём рассказывала Азиза, и ей стало не по себе. В какую игру они играют, правила ей были неизвестны.

В то же время, она не могла понять, какую может представлять ценность для таких важных людей. Они ведь могут купить всех и позволить себе любой каприз.

– С тобой всё в порядке?– заботливо спросил Антон, на что Наташа пожала плечами.

– Может, было бы лучше, если бы я ушла?– тихо шепнула она ему.

– Да, теперь ты можешь посмотреть телевизор за барной стойкой или полистать журналы, пока мы окончим переговоры...

– Какие-то проблемы, Антон Александрович?– спросил Журавлёв, и Раскину не понравился его тон.

– Минутку, я сейчас вернусь.– Он взял Наталью под руку и направился в сторону барной стойки,– там налево есть просторная гостиная, я попрошу швейцара, чтобы он всё показал тебе. Подожди меня там, а потом мы отправимся домой, где я тебе всё расскажу. Вот... а это пусть пока останется у тебя,– он протянул ей маленькую коробочку,– посмотришь потом,– и коснулся губами её щеки.

Подошедший швейцар, который стоял у входа, добродушно кивнул Наташе и попросил следовать за ним, а Антон вернулся за стол, где его ждали.

– Ну, теперь, когда все в сборе, можем начать,– заговорил первым Тэлль,– нам не нужны здесь пусть и очень дорогие тебе люди, Антон, чем меньше свидетелей, тем лучше,– он улыбнулся уголками губ и жестом попросил Архимеда приготовить бумаги.

– Я думаю, всем известна причина, по которой мы здесь собрались,– начал Раскин, при этом его глаза сверкнули недобрый блеском. У Журавлёва по спине пробежали мурашки, *только бы ничего не всплыло наружу, иначе нам всем придётся примерять на себя, если не обувь из бетона, так саван это уж точно...*

– Борис Германович,– прервал его мысли Тэлль,– вы себя хорошо чувствуете?

– Да, просто небольшие проблемы... личное, так сказать.

– Мне бы хотелось узнать, что случилось с нашими деньгами в «Альянс-Строй». Мне принести вам соболезнования по поводу неприбыльных вложений, или снять штаны и отстегать вас? Нам стало известно о покупке вами акций «Ачинского глинозёмного комбината» без нашего ведома.

– Вам остаётся только посочувствовать мне недалёковидному,– улыбнулся Журавлёв, ему стало немного спокойнее, больше всего, он переживал за то, как отреагирует Тэлль о новости, что у него счёт в банке на Каймановых островах. Он снова последовал совету Маши и остался в выигрыше. Проценты по прибыли Раскин оставил прежние. И Тэлль так снисходительно бросил:

– С каждым такое может случиться, но для вас это непростительно, столько лет в этом бизнесе и допускать подобные ошибки. У вас есть один вариант, исправить это упущение. У

меня есть заманчивое предложение, где я хотел бы видеть значительную сумму вашего капиталовложения.

Ничего себе, подумал о «снисхождении» Тэлля Журавлёв, *настоящие вампиры*. Маша предоставила Тэллю документы, подтверждающие убыточные доходы комбината. Тут в дело вступил Воля с предложением о сотрудничестве в одной разработке.

– По информации моего человека, в Канске снова начали добывать золото...

– Что вы имеете в виду, Дмитрий Анатольевич?– немного подозрительно прищурился Тэллер.

– Сведения-то проверенные, Аркадий Иосифович,– с улыбкой сказал Воля и, отпив из стакана воды, продолжил,– у меня есть кое-какие связи с человеком из правления на прииске, их начали притеснять местные братки, грозят, если те не станут делиться, могут начаться проблемы.

– А почему они захотят делиться с нами?– несколько загадочно улыбнулся Тэллер,– мы можем, по-более запросим.

– Говорят влияния у вас больше, да и рано или поздно те братки будут с вами делиться, а это им совсем невыгодно встанет, вот.

– Мы подумаем над этим, а пока я хочу сказать одно. – Тэллер сделался в одно мгновение непохожим на себя, его лицо приобрело жёсткое выражение, и глаза начали сверлить всех присутствующих словно два маленьких стальных буравчика. – Пока, мы можем доверять друг другу, наши дела будут приносить прибыль. Я не хочу, чтобы за моей спиной кто-то начал воду мутить. И запомните, господа, мы тут с вами не в бирюльки играем, на кону многое поставлено. Если вы хотите оставаться на прежних условиях, вам нужно привыкнуть с мыслью, что взамен на покровительство, я хочу получать хорошие дивиденды, и это куда лучше, чем играть со мной в нечестную игру. Я ясно говорю?– он ласково посмотрел на Машу, и ей стало неуютно от его пронзительного взгляда хозяина. «Что он за человек», – в который раз задавала она себе вопрос: «И человек ли он вообще»? Ей стало странно после таких мыслей и, почувствовав себя словно в вакууме, Маша чуть было не потянулась за сигаретами в сумочку, она не должна была показывать своё состояние ни Журавлеву, ни особенно Тэллю.

«Бедная девочка, куда она попала и знает ли вообще, с кем связалась, у неё же на лице всё написано, святая простота»,– Маша почувствовала, как рука Бориса Германовича сжала ей пальцы под столом и, вернувшись, словно из глубокого колодца своих мыслей, посмотрела на Журавлёва.

– В общем, я всё сказал.–Тэллер подозвал официанта,– а теперь, когда всё улажено, думаю, можно приступить к ужину. Антон Александрович заедет к вам завтра в три часа дня?– обратился он к Раскину и тот согласно кивнул.– Позови свою невесту, а то бедная девушка, наверняка, уже измучилась ждать.

Наташа немного скучала, но из её головы не выходили слова Азизы. Она не хотела верить, что её любимый такой страшный человек. Нет, она отбросила от себя эту мысль, этого просто не может быть. Он изменится, я всё сделаю для этого, разве это не про нас сказка «Красавица

и чудовище», Наташа посмотрела на Антона и в какой-то момент поняла, как её подруга была права. У него был совершенно чужой взгляд и лицо жёсткое не похуже на то, что она привыкла видеть. Она знала, что Азиза права, она верила ей, но не хотела, не могла представить свою жизнь без Антона. Куда я вернусь? Там, в прошлой жизни у меня ничего не осталось, я не смогу без него, словно уговаривала себя Наташа, понимая, что не представляет своей жизни без того, чтобы утром не ощутить на себе его руки, почувствовать его дыхание...

– Замучилась совсем?– весело спросил её Антон, прервав тем самым унылые мысли девушки,– что с тобой, ты сама не своя?

– Нет, всё хорошо,– отмахнулась она,– просто много всего... знаешь, мне не нравится здесь, я боюсь этих людей, особенно Тэлла,– почти шёпотом добавила она. – Зачем я здесь, зачем всё так ... я чувствую себя какой-то куклой... прости я не хочу ругаться...

– А мы и не станем выяснять отношения,– открой коробочку,– он с нежностью смотрел на неё,– это работа, так нужно, я тебе потом всё объясню.

Наташа раскрыла коробочку и ахнула, увидев прекраснейшее кольцо, усыпанное бриллиантами.

– Нравится? – спросил Антон, видя её восхищение.

– Думаешь, это может не понравиться?! – она благодарно поцеловала его. – Такая прелесть! Спасибо.

– Дай руку, надеюсь, оно тебе впору.

Наташа надела кольцо на безымянный палец и поняла, что оно ей в самый раз. Камни искрились и переливались, и она не могла от них оторвать глаз.

– Теперь ты не станешь обижаться на меня? – лукаво спросил Антон, потянув её за собой.

– Немного, но у нас ещё будет время поговорить?– она прижалась к его плечу.

– У нас теперь будет даже слишком много времени на разговоры.

Наташа не заметила в глазах Раскина заговорщицкого блеска, она взяла его под руку и последовала за ним.

– Мне не терпится уехать домой,– шепнул ей Антон. – Тебя ждёт ещё один подарок, он будет великолепно смотреться, особенно когда на тебе ничего не останется.

– Перестань,– она чуть было не залилась краской, Антон обожал, когда Наташа краснела, и в довершение всего, он похлопал её по попе, так, что этого никто не увидел, отчего Наташа стала пунцовая, как рак. – Антон,– она в упор посмотрела на него.

– Прости, а то я что-то совсем, как мальчик расшалился.

– Что верно, то верно,– согласилась Наташа, но поняла, что совершенно не сердится на него, все негативные мысли словно улетучились из головы.

Пока подавали на стол горячее, Маша отвела в сторону немного успокоенного Журавлева и сказала, что хочет уйти.

– Извини, Машуля, но такого удовольствия я тебе доставить не могу,– грустно улыбнулся Журавлёв,– нас могут не правильно понять, а в чём дело, ты себя плохо чувствуешь?

– Может это бред, но... не знаю даже как сказать, вы меня сочтёте ненормальной.

– Ты меня тревожишь.

– Я не шучу, Борис,– она посмотрела на него в упор,– не пойму, что происходит, но такое впечатление, что Тэлль из меня все соки вытянул... разговаривая с ним, я вдруг почувствовала головокружение, лёгкую эйфорию, затем тошноту и резкий упадок сил, такого со мной ещё не было. – Журавлёв недоверчиво покосился на Тэлля:

– Со мной такое бывало, но я это списывал на волнение, поговорим об этом позже,– он сжал её за плечо,– чтобы ни было, ты не должна уходить.

Тэлль вальяжно расхаживал по обеденному залу, поглядывая на шустрых официантов накрывающих стол. Ему было, как никогда хорошо, он всегда чувствовал страх людей общающихся с ним, и это давало ему силы. Только ему одному был известен этот секрет и только понимание своего превосходства над этими людишками, повергало его в своего рода упоение.

Почувствовав лёгкое дуновение чего-то чистого, словно морского бриза, Тэлль обернулся и увидел Наташу, которая зашла в зал вместе с Антоном. Она улыбалась и казалась такой счастливой, чистой, с улыбкой взирая на Раскина. Это немного расстроило Тэлля, он задумался, а не пошло ли движение по иному сценарию? Всё не совсем так, как он хотел, и это немного испортило его приподнявшееся настроение.

– Прощу к столу,– радушно улыбаясь, объявил хозяин ресторана, который решил сам обслуживать важных гостей, – господа, чего ещё желаете?

– Убери-ка ты этот лимонад,– Раскин протянул ему бутылку с шампанским,– давай лучше водочки.

– Сию минуту, господа, – улыбнулся управляющий, и через несколько секунд исполнил пожелания гостей.

Тэлль заметил, как только Наташа села за стол, от её радости не осталось и следа, а когда их глаза встретились, он почувствовал, как её сила уходит из неё. Только никто кроме него не видел этого, не ощущал, что все они точно хорошо прожаренные стейки на богатом столе.

К ней снова стали возвращаться грустные мысли, пропал аппетит, и желание поскорее убраться отсюда, стало сильнее. Уйти, чтобы только не видеть больше чёрных глаз Тэлля.

Антон заметил эту перемену и понял что, ей что-то не давало покоя, хотя всё вроде бы шло очень даже хорошо, на её руке сияло красивое кольцо с бриллиантом, и можно было уже почти поверить, что она счастлива. Обычно девушки покупались на драгоценности. Однако Антон понимал, что Наташа не совсем обычная девушка и давно перестала верить в сказки.

Она ждала, когда же, наконец, всё окончится, и они вернуться домой. А, может быть, он зря отпустил её на встречу с Азизой, хотя всё равно она всё узнала бы не от неё, так от кого-нибудь другого. Она не вникала в их деловые разговоры, но ей было не по себе от пристального взгляда секретаря Журавлёва, Маши. Она словно что-то всё время хотела ей сказать и, пристально посмотрев на неё, вернулась к салату из морепродуктов.

Антон понимал, что зря затеял эту игру, и Тэльль может заподозрить неладное, однако он ничего не мог с собой поделать, и был сам не свой. Не узнавая себя, он хотел, чтобы весь мир знал, что Наташа его и что больше она никому принадлежать не может. На мгновение он встретился взглядом с Аркадием Иосифовичем и, кивнув ему, поднял рюмку за его здоровье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.